

**МАРИЯ
БАТУТИНА**

ПОКА ТЫ СПАЛ...

ArtHouse
media

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(Рос=Рус) 6-5
В 21

Дизайн обложки
Марины Николенко

Верстка
Ирины Рябчиковой

Ватутина М. О.

В21 «Пока ты спал...» : Избранные стихи /М.О.Ватутина. — М.: Арт Хаус медиа, 2018. — 164 с.

В новый юбилейный поэтический сборник Марии Ватутиной вошли стихи 2017-2018 годов. За это время Мария Ватутина стала победителем Конкурса «Красная площадь. Время поэтов» в 2016 году и лауреатом Премии «Парабола» 2017 года.

Стихи Марии Ватутиной в книге «Пока ты спал...» обращены к деталям мира, к нюансам чувств, в них пристальный исследовательский, не всегда сугубо женский, взгляд на творчество, на жизнь и смерть, зачастую обращенный к ушедшим и к постоянному собеседнику – богу, который является скорее не судьей, а свидетелем каждого дня. Библейские персонажи и сюжеты служат инструментом изучения обычного человека, его поступков, его духовного и животного начал. Автор пытается разобраться, как жить после тяжелых утрат и переосмысления пройденного пути. Но эта книга – не итог полувекового пути, а рассказ о том, что волнует поэта – нашего современника – в настоящее время.

УДК 821.161.1-1
ISBN 978-5-9908945-1-8

© Ватутина М. Текст, 2018

© Арт Хаус медиа, 2018

© Николенко М. Дизайн обложки, 2018

ПОКА ТЫ СПАЛ...

Люблю тебя – слетело с губ ночных,
Но вся моя Земля была безлюдна:
Река под снегом в щетках травяных,
Село вдали, пропавшее с полудня
(так на радарх тают корабли),
Кровать пустая, чем ни застели.

Кому сказала? Думала о ком?
Зачем сложились губы в оба слова,
Сомкнувшись дважды? Трижды языком
Зачем коснулась нёба ледяного,
Чтоб гласные нарушили меж тем
Спокойствие космических систем?

Услышать, а не то что отвечать,
Тут некому: следы в лесу несвежи,
На небесах сургучная печать,
Нет никого, и лишь порядки те же:
Оттуда, из-за туч, сочится луч,
Но скрыт подтекст и не сорвать сургуч.

Вот прорезь рта: хранят его края
Весь опыт мой. Явление возврата
К первоначальной форме бытия,
Эффект тактильной памяти, токката
Органная, ямбических слогов
Пульсация среди ночных снегов, –

Вот импульсы «люблю» произнести.
Стремятся губы, как металл в горенье,
К первоначальной форме. Поскрести –
Весь мир вернется к первым дням творенья.
Звук извлеки и посмотри на свет:
Он – вещь в себе, он сам себе ответ.

Так зверь приучен вытянуть к Луне
Безропотную морду. Одичанье –
Как степень одиночества – вполне
Достаточное средство для звучанья
Животворящей формулы земной,
Произносимой то и дело мной.

С тех пор, как она подумала: вот же он,
В рубашке белой, питающий микрофон
Каким-то докладом, вернее голосом, верней
Манерой речи, произношением со своей
Особенностью, о которой она молчок,
Чтобы не совершить бестактность, скачок,
С тех пор, как она переспросила: «мой?» –
И пришло подтверждение от себя самой,
С тех пор, как он выдан ей, словно рецепт,
Ее глаза поменяли цвет.

Она плыла сюда по морю серому без конца
И края, по небу цвета свинца
И отражалась в нем, и каменело в глазах ее
Застиранное фронтное над головой белье,
И мелкий, словно из распылителя, моросил
Изо всех моросилен ливень, мозг выносил,
И не черные воды хлюпали под кормой,
Просто не было подтверждения от себя самой:
Не летели стрелы, не вспыхивало нутро,
Наблюдательный пункт не давал «добро».

Но она доплыла до острова, до горы,
Над которой тоже рисуют местные маляры –
То туманы мрачные, то над храмом хмарь,
А ведь вот же спаслась от гибели, божья тварь,
Угадала, расслышала, заглотнула звон,
Гулкий звон, вливающийся в микрофон,
Выливающийся из колонок, и – что теперь?
– Вот и не верь, – она говорит, закрывая дверь,
Уходя с бирюзой в глазу, с белизной в зенит, –
После этого, что счастье глаза синит.

Утверждать берусь, у всех нас: отроковиц
И острожниц горестных – умение роговиц
Бесцветность беды и цвет любви отражать
Существует, как способность рожать.
Словно химия глаза включает аквамарин,
Словно свет у нас идет всегда из глубин,
Если кто-то в назначенный день и час
Для любви из небытия призывает нас
На каком-нибудь людном торжище, на бегу,
На не имеющем пристани берегу.

Собираясь в путь, на задворки памяти, в Вифлеем,
Ожидать объятия с кем-нибудь на пути своем,
В мыслях пасть на грудь ему и услышать: «Я – здесь!» –
И думать забудь, не мечтай, Мария, не грезь.

Прилетела ль птица розовая на первый снег,
Человек ли снится, обжегший тебя навек,
Положил ли Бог в тебя кладь, иль с престола сверг:
Не годится обременять это смыслами сверг.

Все, что видишь, значит только то, что лежит
На поверхности, начат путь, но никто навзрыд
Не сулит отрады, не прячет сути вещей.
Если символ какой маячит, гони взашей.

На дорожной карте, распаяя стать,
Не пиши молитв, Мария, чтобы не заплутать.
Все поглотит периферия, исчезнет цель.
Не живи мечтами, Мария, просто иди отсель.

Ожиданье чудес – трясина, зарекись, позабуди места,
Где тяжелое тело сына принимала с креста,
Словно с неба, снова – выданное с небес.
Не мечтай, Мария-матушка, чтоб воскрес.

Не рисуй, любая, страстных в уме картин,
Как, в объятья тебя сгребая, скулит человек один
От ожога сладкого. Кто ты такая – светить в ночи?
Лаптем щи хлебая – подавишься – не кричи.

Вот придешь в долину дальнюю, в стылый стан,
Обустроит жизнь беспечальную Иоанн,
Но ладонь причальную не заметит путник, во тьме бая,
А мечтай мечту изначальную – извелась бы вся.

Но живи и жди: претворятся твои мечты.
Опустеет склеп, а потом, состарена, воспаришь и ты.
Потому что шире у Бога чаянья – всяк себе на ус намотай.
Намечтай меня, Господи, намечтай меня, намечтай.

Ну, поверим и представим: умерла.
Провалилась в темноту и вниз лечу.
Появляются в тумане зеркала,
Коридор, подобный белому лучу.
Дым клубится, дым сгущается и вот
В белом облаке высокие тела.
Это папа, это мама, это кот,
Это ты стоишь.

– Ну, здравствуй. Как дела?

Мне куда сейчас?

– Всё прямо, – говоришь,

– Обработка, инструктаж и тихий час.

Отвечаю:

– Я на полденечка лишь.

Это – путаница. Выяснят на раз.

Усмехасься:

– Здесь все так говорят.

Уточни, пожалуй, в справочном окне.

И стоят, стоят, стоят, стоят, стоят
Бесконечной чередой они ко мне.
И уходят за округлый небосвод,
Крепостные, первобытные, моллюск...
Скажешь:

– Здесь-то все у нас наоборот...

Ты там молишься за умерших?

– Молюсь.

– Ну, а здесь боятся жизни, как огня,
Как боялись смерть когда-то претерпеть.
Тут по громкой связи вызовут меня,
Не дадут врачи спокойно умереть.
Жизнь всосет меня обратно по трубе,
Словно семечку соломинкой всосет.
И к исходной точке, к пристани – к себе,
Чья-то длань меня тихонько поднесет.

Между горбов кренясь под напевы зурн,
Сном разморенные, кутаясь в ткани тщетно,
Едут под полым небом, где твой Сатурн
С тяжким Юпитером сходится незаметно.

Ослабевает свет из ночных пустот,
Словно в пути и звезды оделись в платья.
Спросит один:

– Куда мы теперь? На тот
Или на этот свет прошвырнемся, братья?

Но остальные дремлют, и спит их слух,
Веки не пропускают свечений слабых,
Спят на ходу верблюды, сморило слуг,
Дзинькают колокольчики на ухабах.

Тихий поход, ночной разговор камней,
Гулкая дробь копыт, словно пусто в недрах.
Вдруг – словно взрыв на небе. И – визг коней!
Фыркание верблюдов, как будто – недруг!

Встали. Нашли глазами. Вот это да...
Словно небесный ангел в сиянье вязком!
– Ангел, – один говорит, а другой:
– Звезда, – шепчет.
Внимает третий ожившим краскам.

– Может быть, и звезда, – говорит потом, –
Может быть, и звезда, о которой знали.
Только звезда не указывает перстом
Место в пустыне, чтоб мы его отыскали.

Если и ты не знаешь, куда идти,
И вообще – идти или жить в покое,
Не оставляй пути. Не бросай в пути
Золото, смиру, ладан и все такое...

Ты всего два года в бесконечном пути
Без возвратной точки.
Я искала вчера имя твое в сети,
Не нашла ни строчки,

Ни одной фотографии. Для зевак
Из продвинутого поколения
Это, кажется, абсолютный знак
Исчезновенья.

Человек, растивший себя изнутри
И снаружи, через усталость
Презиравший мир, посмотри,
Что от тебя осталось?

Кто любил – угаснет, кто не любил –
Место твое займет и закроет блоги.
Добрая память – миф, если не покори
Царства, особенно в эпилоге.

Человек! Покажи хотя бы забор,
Помнящий ссадины на твоём запястье.
Предоставь живущую до сих пор
Музыку, приносящую людям счастье.

И осталось-то от тебя гигов
Пять наговоренного мне на ухо
Да подобье твоих шагов
В зазеркалье слуха.

Молчал, молчал, теперь же, как назло,
Зовешь меня, когда Луна в зените.
Я отвечаю: «Кто это? Алло!
Что-что? Алло! Не слышно! Говорите!»

Се одиноких праздников синдром,
Последствия защитных сил рассудка.
Мне не на кого бросить стол и дом,
И сын, по сути, великан-малютка.

Ты говоришь, мне нечего терять,
Не приросла семьей, а память вышла.
Я отвечаю: «Денежки не трать.
Нам все равно тут умерших не слышно!»

Лишь оживляют воздух голоса,
Похожие на солнечные нити.
Я больше вас не слышу, небеса,
Я лишь смотрю на вас. Не уходите.

АЛЬТ

Полуденное солнце
Уже глядит назад,
Где бурый замок Сфорца
Притягивает взгляд.

И тут же тень ложится
От дома до угла,
Где вывеской кружится
Латунный знак Орла.

На полках, словно рыбки,
Дарящие мечты, –
Виолончели, скрипки,
Мандолы и альты.

Бликует лак на деке,
И рвутся струны в бой:
Стать звуком в человеке,
Пожертвовав собой.

Миланский мастер Павел,
Сын своего отца,
Маслами лак приправил
И каплями с лица.

Когда уйдут из дома
Все, нажитые в нем,
Кому играть истома
Войдет в дверной проем.

Создатель инструмента
Из клена и сосны
Для этого клиента,
Сидящий у стены,

Погладит гриф разочек
И выпустит из рук,
Поскольку струн и строчек
Важнее смысл и звук.

Во все века даренье
Вот это настает:
Творец своё творенье
Другому отдает, –

Кому открыть под силу
Все смыслы, наконец.
Не так ли Богу-сыну
Отдал свой мир Отец?

Симфония

1. Георгий Свиридов.

Время вперед. Allegro

Издалека. Как вкрадчивый сюжет,
Как поезд до вторжения в хребет,
Как первая ступень, потом вторая...
А ты глядишь из космоса: в ответ
На твой последний возглас вспыхнул свет
И движется к тебе... ракета? – нет,
Но музыка! – пространство прорывая.

Издалека – как будто тянет снесь
Один ловец, умеющий терпеть
И ждать улова, длань его огромна:
В ней время, а точнее жизнь и смерть.
Ударные саднят, встревает медь,
Все ближе поезд, все полнее сеть,
Все раскаленной и страшней, как домна.

Издалека и ты пришла сюда,
Течение повернуло невода
И замело тебя в тугие сети.
Ровесница той музыки, балда,
Ты называла вечностью года,
Была своей живучестью горда,
Но ты жила мгновение на свете.

Горел экран, шла по своим путям
Заставка звуковая к новостям,
И налагались на нее сюжеты:
Космический полет, привет гостям
Из Индии, обзор по волостям,
По съездам и по воинским частям,
И – вжих! – промчалось все в долину Леты.

Но что это? Не скрипки ли опять,
Взвиваясь, что-то силятся сказать,
И, как шальные, клавиши кивают,
И факты трубы требуют связать:
Ты музыке – пора тебе узнать –
Сестра, вас даже смерти не разъять!
Тарелки бьют и время продлевают!

2. Джузеппе Верди. «Набукко», хор рабов иудеев «Va, pensiero...». Adagio

Где только что шагала жизнь – провал.
Все умерли. И музыка умолкла.
И бездны музыкальный интервал
Низверг богов решительней Софокла.

Три гроба там, на дне – откуда тьма
И немота – дымятся, как кострище.
И публика миланская сама
Забилла двери в скорбное жилище.

Короче, все потеряно. И вот
Он восстает. Мы пропускаем встречи
С Мадзини, и Мирелли хитрый ход,
Кларин Маффеи пламенные речи...

Но «Возрождение» их кружок звался,
И это помогло: он возродился.
Его скрипичный ключ опять взвился
Для тех, в чьей «доброте» он убедился.

Так что же он в уста певцов вложил?
Мечту о возвращении к истокам?
О тех, кто политический режим
Австрийский подрывал в бою жестоком?

Или о том, где был его причал,
Где он еще божественным был планом?
Иначе – почему ему звучал
Хор тысячный над траурным Миланом,

Когда он возвращался в никуда,
Где детский лепет и условно горе?..
Мне кажется, и я была тогда
В том хоре.

3. Рихард Вагнер. Полет Валькирий. Allegro

Альпами, Альпами вьется дорога.
Залпами, залпами рушится мир.
Кто заигрался в кровавого бога –
Музыку смерти заслушал до дыр.

Фюрер Германии музыкой бредит,
Пальцы сплетает – суставы трещат.
...Едут составы на Белжец и Бретвет,
Хелмно, Майданек, Терезиенштадт.

Издали, издали едут составы.
Искрами, искрами в свете луны
Сыплют эскадры арийской державы
В мраморном небе горячей войны.

Фюрер Германии смотрит с вершины,
Как под раскатные такты сюит
В горло Вальхаллы вползают мужчины,
Женщины, дети, другой неликвид.

Музыка в свете прожектора вьется,
Музыка истово в небо блажит,
Музыка в камеры, в камеры рвется,
Музыка в ямах расстрельных лежит.

Кровью омыл ее партайгеноссе,
И сочинитель чернит ее прах,
Древний народ от нее отвернулся,
Призрак она, навевающий страх.

Музыка! Я и сама не умею
Преодолеть этот страх, словно мост:
Ибо, коль ты полюбилась злодею,
Может, и я – полюбив тебя – монстр?

Знаю одно лишь тебе оправданье:
Нерукотворно твое полотно,
Так проявляется в нем мирозданье –
Как обустроено нами оно.

Так папенька показывал детей
На званых вечерах:

– А это Петя...

И, видя сострадание гостей,
Он понимал, зачем живет на свете.
Перед окном заснеженная даль,
Стальное небо, воткинская заводь
Впечатывались в память. За рояль
Садился он, пришедших позабавить.

Он умирал младенцем. Из числа
Всех методов домашней медицины –
Он знал – одна лишь музыка спасла:
Он затихал под звуки оркестрины.
Adagio рожденья таково,
Поскольку смерть пришла к нему – вначале.
А за Allegro юности его
Архангелы другие отвечали.

Великий гений сам себя растит,
Судьба его сама себя врачует.
Измену правоведенье простит,
Но раньше перелом отец почует.

Коль музыка звучит в твоей груди,
Входи в нее, как Пушкин шел в стихию.
Она – твоя, и все, что впереди,
Через тебя прославит и Россию.

По инструментам, нет, по возрастам
Звучанье жизни и звучанье смерти
Раскладывает гений в нотный стан
И с нарочным оркестру шлет в конверте.
А дальше круг за кругом, вальс и марш,
И вопрошания в четвертой части,
И черный цвет, и детство, как мираж
Грядущего, но без огня и страсти,
И эти все: зачем и почему,
Пришедшие из дневника в звучанье,
И – жизнь, непостижимая уму
Дворянского собрания.

...Концовка объясняла все, и в ней
Шла перекличка с темой начала.
А жизни оставалось девять дней,
И уж другая музыка звучала.

Брейгель

---

1. Избиение младенцев

*«Тётъ Сонь, а вдруг, когда вы будете
Жениться с вашим женихом...»
Анна Логвинова*

Там, где расселась я на снегу, белом, как самый холст,
Вытянув ноги, подняв к врагу потусторонний взгляд,
Там из младенцев делал рагу – Альбой пущен в поход
Через альпийский лед и пургу – карательный взвод солдат.

Там, где сидела я, люд кружил, вязов чернела голь.
Конь испражнялся, пес блажил, рвался на кровь с ремня.
Кто перед этим век не смежил – не ощущает боль
И вообще не имеет жил, взять хотя бы меня.

Где сидела я, таял снег от кровавых телец.
Мельник, лавочник, дровосек – лезли под юбки жен.
Чавкал пес на виду у всех. Дымом пошел торец.
То, что делает человек, не понимает он.

Встану, встану, пойду к венцу, не оглянусь назад,
Из-под снега взойдут цветы, маленькие цветы.
Не поведаю сорванцу-сыну про этот ад,
Да и ты молчи, да и ты, только молчи и ты.

2. Мой сон Брейгеля

Голова намолота, начинай сначала.
Под ногами – золото. Я его молчала.
К богу наши реченьки в уши залетали.
Черные черешенки падали из глаз.
Не печалься, боженька, нашей пасторали.
Хочешь человечинки? Я – сейчас.
По двору злачёному, по крыльцу верчёному
Всеми половинками ходит сатана.
В лыковых подштанниках, в вышитых кафтаниках,
Ни рыба, ни мясо, ни муж, ни жена.
Кочергою сальной свечка входит в спальную.
Тешится, как дитяtko, просит тишины.
Лишь бы ты не плакала, лишь бы ты не вякала,
Слез твоих черешенки сварим на блины.
Кто придет к околице – Боженька проколется.
Съест свинья любовника и старуху съест.
Выпрыгнув из общего люцифера тощего,
Катерина Грозная выкажет протест.
Вол растет до обуха. Шарик взвил до облака.
Красная-прекрасная гибель на миру.

Волка кормят челюсти лучше всякой челяди:
За маму, за папу, за черную дыру.
Где чересполосица, лай собачий носится,
Скалится, бросается да на волчий вой.
А сама собачина помнить предназначена,
Кто ее выкармливал железною рукой.
Ходит мужик с бабою, раздутою жабою,
Сельская селекция, господи прости:
У коров два вымени, теленок без имени
И без раздвоения лич-нос-ти.
На ноге татарика сидят два комарика,
На ноге татарика открытый перелом.
Стесан кол о голову бритую монголову,
Молоко на стрельбище отдает козлом.
Видела – не верила, кума ветер мерила,
У вора полтинного полыхал картуз.
От солдата бодрого шла, виляя бедрами,
Служба государева, кричала: сдаюсь.
Дитя мягко падает, грешник бога радует,
Не будет покаяния, когда нет греха.
Берегите яйца вы, люди разгуляевы,
Не было б рассвета, не будь петуха.

Алисе Бирюковой

В том городе, где транспорт – гужевой,
Где ты на миг становишься живой,
Бредя через него на грани ночи,
Где на бродвее местном нет толпы,
Но ни одной нехоженой тропы,
И все пути прямее и короче, –
Встречает нас хозяйка этих мест
Из недоступных челяди невест,
Привычная и к похвале, и к брани,
Сзывает пришлых на вечерний сход,
И, здравицам чужим теряя счет,
Грустит, как подобает Несмеяне,
О том, что град стоит на ней одной,
А ей давно пора уж быть женой,
О том, что выстроенный терем, словно
Надежда, может рухнуть неспроста,
Поскольку разрушает пустота
Всегда и всех на свете поголовно.
А я шепчу ей страшные слова,
И я права, права, права, права:
– Люби, воспоминанья будут сладки.
И я такой, как ты, была вчера,
Узнай, тебе я старшая сестра,
Бегущая от жизни без оглядки.

Я вышла в город, словно из тюрьмы,
Из дома своего, урвав свободу
Египетской угрозой полутьмы
И кровью, превращающейся в воду.

Был пуст и черен город мой вовне,
Я скрылась в подземелье многозевном,
И лишь какой-то нищий плыл ко мне
На встречном эскалаторе подземном.

Переплетаясь, тысячи чужих
Теней плелись в движении бесцельном.
Скрипела дверь на скрепах рычажных
И запирала в пекле беспредельном.

Желание увидеть пару лиц
Знакомых улетучилось. Сквозь щели
Между теней пошла дорога вниз
И по спирали, как у Боттичелли.

Я где-то это видела уже,
Шептала я, слова роняя скупю:
Я помню! Здесь на каждом этаже
Нет ни души, ни грешника, ни трупа.

Я шла и шла, по именам звала
Пропавших здесь, расплавившихся в русле.
И мысль меня земная извела,
Как Данте благородного, – вернусь ли.

Я просыпалась дома на тахте.
Воронкой опускался плед верблюжий.
«Все умерли», – звучало в темноте,
Как будто длился разговор досужий.

Отец

1.

Снег клубами кáтится
По Неве-Неве.
Наташенька красится,
Вихри в голове.
Повадки всё девичьи,
Хоть и за спиной
Алексан Сергеича
Огляд кровяной.
Слева смотрит, издали,
Справа ли зайдет –
Словно атавизмами
Страшными гнетет.
Все молчит, а давеча
У всех на глазах
На Сергея Львовича
Бросился в слезах.
Далее тем паче,
К уху-то припал
И шептал горячее,
Горькое шептал.
Обнимал-залатывал
Дитяtko свое
И все время взглядывал
Свекор на нее.

2.

У Корнильевых гостить на Покровке.
Каждый вечер в шумной жить обстановке.
То поют, а то и вирши читают,
Хорошо, хоть Сашу, вишь, уважают.
А и сам хорош в умениях словесных,
Но не ценится ни в грош среди местных.
В уголочке, на диванчике шитом
Идут строчки в этом доме к пиитам.
Кто вошел, сказал:
– Конец! Нет поэта!
Не заметил, что отец слышит это.

3.

Во лесах Сокольничьих проталины,
Дача отсырела, хоть убей.
У Сергея Львовича подпалины
В седине недавнишних скорбей.
Приезжает вся честна компания
С разными вестями из столиц.
Сберегает нас от засыпания
Шум людей и щебетанье птиц,
Да какие яства позабытые,
Да журналы, да поленьев хруст.
А Корнильев притащил со свитою
Тряпочкой накрытый чей-то бюст.
Соскользнула шелковая тряпица,
Пушкин встал поднять тряпицу ту...
А в окно постукивала лапица
Дачного кустарника в цвету.

Сказка о потерянном времени

Покрякивая, в старой телогрейке,
Он курит на балконе в темноте.
Локомотивы по узкоколейке
Давно не ходят – времена не те.
Повымерли путаны девяностых,
Соседи не ругаются на дым.
Как будто жизнь дала бессрочный роздых,
Да и ушла цепляться к молодым.

Стоит и чешет грудь монументально,
Другой рукой сбивает пепел вниз.
И ждет, когда осадят – машинально
Виня себя за проспанную жизнь.
За комсомол, за истовость, за трепет,
За слезы по Генсеку, за смешки,
За то, что скоростное время слёпит,
И в снег сует облёвные флажки.

За то, что прочитал Лолиту поздно,
Еще поздней узнал про лагеря,
За то, что с сыном так и прожил розно
И быстро скинул ваучеры – зря.
А мог бы стать владельцем-совладельцем,
Открыть столичный кооператив.
Он втягивает дым увядшим тельцем,
Увядший взгляд на землю опустив.

Он столько лет учился в институтах,
Он столько лет на дяденьку пахал,
Он в ежедневных утренних маршрутах,
Считай, на пять романов набрехал.
Нашупает ли он, по крайней мере,
На чем он так паскудно погорел:
На Ельцине? На Путине? На вере?
Но отродясь он веры не имел.

– И самое большое невезенье, –
Он думает, – что после тридцати
Приобретя к стране своей презренье,
Стал сам презренным: места не найти.
Бросает вниз окурок. Он в развязке
С генсековских тех самых похорон.
Но он один, и можно все, как в сказке
Про страшное смещение времен.

*

Ночь какая всюду разлилась
Звездная.
У меня сегодня мама родилась
Крестная,

Перед первой мировой войной
Самою.
И была она мне мировой
Мамою.

Под Ижевском в баньке у плетня
Мглистого,
Родилась, чтобы любить меня
Истово.

Больше мне никто не дал родства
Заживо.
Это чудо мне – от Рождества
Нашего.

Я хочу, чтобы у меня ничего не осталось.
Я распродаю свои богатства,
Своих друзей, возлюбленных и учеников:
– Пожалуйста, берите и пользуйтесь,
Они приносят сладкую агонию,
Но не приносят счастья.
Я могла бы не заботиться о том,
Чтобы найти им хозяина,
Но кажется, останься они со мной,
Я отсюда не вырвусь.
Слишком тяжелое бремя,
Чтобы уйти наверх.
– Нет-нет-нет, только одна Мария, scusi, –
Говорит Павел и машет,
Словно автомобильными дворниками,
Выставленными вперед ладонями.

Приготовься. Сейчас
Мы не будем услышаны.
Нас растопчут и перевернут.
Потому что всякий художник
Имеет право убить другого художника.
Особенно, когда отпадают права наследников.
Что бы ты ни вкладывал
В свои строки,
Запомни,
Ты не имеешь права настаивать.
Не держись за смыслы
И за свою жизнь.
Пометь лишь,
Что твой донжуанский список
Окончателен и не подлежит
Пересмотру через семьдесят лет
После твоей смерти.
А если ты женщина –
Настаивай на точном количестве
Детей в твоей биографической справке.
Отвоюй название малой родины.
Большая – плавун, она меняет имя и форму.
Остальное пусти по волнам.
По этим назойливым наглым волнам,
Которые сделают тебя круглым и гладким.
Всем понравится, если ты
Не будешь сопротивляться.

Заехали на кладбище чужое
В усталом старорусском городке.
Аллея славы, списки, все такое...
Плюс дождь пошел. Плюс имя на доске
Искала я, искала я, искала...
Сейчас-сейчас. Еще строка, столбец...
Я вот о чем. Мне бабка намекала:
Когда бы не погиб ее отец,
Все было бы, как пить дать, по-другому.
Все по-другому вышло бы у нас.
С тех самых пор блуждаю я по дому,
Как будто потеряла что. И в час,
Когда о нем, о прадеде, вспомню –
Ищу его на небе и в земле.
Мне кажется, что я еще восполню,
Я склею эту рану в хрустале.
Мне кажется, как только он найдется,
Умерят норов бабушка и мать,
Прабабка из прислуг переведется
На царскую немецкую кровать,
Мое бабье другим предстанет боком,
И я такого горя не хлебну.
Всевидящий, своим обратным оком
Останови на подступах войну!
О чем ты думал, назови причину,
Когда в июне в самые бои
Единственного нашего мужчину
Ты забирал навеки из семьи?

Немая

Что делать, мой ангел, не слышен мой слог,
Повсюду словесная чушь.
Мне стало неважно вести диалог
И жанр монолога мне чужд.

Дары забирай: это зрение, рык
Из уст и пожар альвеол,
И этот раздвоенный узкий язык,
И жалящий этот глагол.

Я долго во тьму разевала уста,
Бессильным полевкам назло.
Зачем этот уголь мне – пустыня пуста,
Камланье ее допекло.

Пророчеств наполненный мною надясь
Вернулся невскрытым конверт.
Пустыня не кончится, хоть оборись.
И эха не будет в ответ.

Глухие места! Обожженный песок,
Расплавлено слово во рту.
Обратно, обратно, как выстрел в висок,
Отдай мне мою немоту.

Все пройдет: и война, и агония,
Обесценятся слитки обид,
И под воду уйдет Патагония,
Потому что русалка на вид.

Пограничные списки мутируют
В перечет закадычных друзей,
А потом они реэмигрируют,
И под них отведется музей.

Я-то знаю, откуда – неведомо,
Что уходят вперед времена.
И меняется все, что изведано,
Лишь любовь остается одна.

Лишь она невозможно устойчива
И не может исчезнуть из нас,
Потому что из памяти кой-чего
Вообще не изымешь как раз.

Мы ее зарываем под елкою,
Чтоб хватило на черные дни.
И ни-ни! Потому что ведь долгая
И не ровная жизнь, извини.

*...К дверям подходят, замок сломали,
по коридору скрипит кирза,
половицы гнутся под сапогами, горят глаза.
У. Х. Оден (пер. Г. Дашевского)*

Из студии, что так черна,
Что поглотить готова,
Они кричат:
    – Война! Война! –
Как мальчик у Толстого.

И вновь в очередную ночь
Меж буйными речами
Они опять кричат точь-в-точь,
Как в прежнюю кричали.

– Война! Уже идет война! –
Они кричат хрипато.
И я мобилизована
У стен военкомата, –

Поскольку принял военком
За чистую монету.
Поскольку «колокол о ком?» –
У нас ответа нету.

Меня научат убивать,
Штыком пронзая тело.
И буду я на части рвать,
Кого всегда хотела.

Нас в бой пошлют под шквал огня
И прямо под софитом
Убьют тебя, убьют меня,
И станет мир – убитым!

– Война! – ораторы вздохнут,
– Война! – вздохнет ведущий.
И тут рекламой перебьют
Сценарий дорогущий.

Но видит око, зуб неймёт,
Хотя и недалече.
Все живы, и никто – не мертв,
Но никому не легче.

Она его на фронт не провожала,
Ни к пункту сбора и ни до ворот.
А до войны ему детей рожала
И дом вела, и ночью... это вот.

Она осталась дома, догорая,
И не из дома сам он уходил.
И женщина другая, дорогая,
Стояла возле лестничных перил.

И он о той сперва, наверно, думал –
Когда, Басманной улицей шурша,
Колонна шла – чей коммунальный угол
Покинул он: как в плаче хороша,

Как сильно и красиво та любила,
Как насладила сердце, да и стать,
Как по-людски, по-женски проводила
И не спросила, станет ли писать.

Но где-то за Владимиром, быть может,
Разбив ступни и отвлекая боль,
Он думал не о той, что плоть тревожит, —
О той, не проводившей в смертный бой.

И скатку на себе стянув потуже,
Он думал, что исправит все войной,
Что всех грехов и всех проклятий хуже
Обида этой женщины родной.

Они его любили, не делили:
Кто провожал, а кто не провожал.
Потом его под Вязьмою убили,
Точнее, он там без вести пропал.

Живые – живите. А мертвым пора умирать.
К кому присоседиться, с кем в догонялки сыграть?
Живые – живите, а мне мое пекло печет.
И дней мне по пальцам прозрачным – наперечет.

Течет между пальцев песок, убегает вода.
В любви мне отказано небом, да то не беда.
Стушится она и прорвется, захочет спасти.
Да времени мне на нее уже не наскрести.

Ах, в нашем зеленом краю холодеют не в срок
И жизнь отдают безвозвратно надежде в залог.
Все смерти мои обжигали, а эта – дотла.
Любовь моя долгая, где же ты раньше была?

Я люблю тебя, как в кино,
В черно-белом цвете.
Я люблю тебя так давно,
Что могли бы вырасти дети.

Проверяю себя – да нет,
Я живую, я не играю.
Только с давних-предавних лет
Я чужое не отбираю.

Вот и длится сплошной туман,
То густой, то прозрачной шелка.
Не роман у нас, не роман –
Запасная любовь и только.

Положили на полку, как
Говорится, бобины с пленкой,
Где опасный угадан брак
Барабанною перепонкой.

Там другой вариант отснят,
Но цензурой изъят усталой.
Там детей голоса звенят,
Впрочем, внуков уже, пожалуй.

Звездами окна исколоты,
Утро ль сочится в жильё...
Я выходила из комнаты
И возвращалась в нее.

Мне, ученице дотошного
Мастера, знать не ново:
Я выходила из прошлого
И возвращалась в него.

Просто не ведала комната,
Чем я жила за стеной.
Просто не ведало прошлое,
Что в настоящем со мной.

Как же рассвет этот, господи,
Ярок и неумолим.
Как хорошо в этой комнате
С воспоминаньем моим.

Закончилась тяжелая неделя,
И разочарованиям нет числа.
О, Господи,ними с меня немедля
Любовь мою, как скатерть со стола.

Она уже для свадеб не годится
И для коротких встреч не подойдет.
И никакая мыльная водица
Не смоев впредь следы ее щедрот.

На выброс разве только, на порожек –
Устало шаркать терками ступней.
Хотя бы так пускай она поможет
Мне низложить ее, покончить с ней.

Вернусь домой и, двери открывая,
Учую запах тлена, так сказать:
Она лежит пластом, еще сырая,
Готовая подошвы мне лизать.

На всякий случай, а точнее – навек,
О, вы, кому и дальше жить привольно,
Запомните, вот этот человек
Мне сделал больно. Он мне сделал больно.

Так и впишите в скучный свой рассказ,
О жизни отлетевшей повествуя,
Что этот вот в такой-то день и час
Убил меня, убил меня, живую.

Конечно, жизнь и дальше как-то шла,
Я песни пела и стихи вязала.
Ну, просто я не сразу умерла,
И боли никому не показала.

Мы жили по соседству. Было тяжко.
Таких я от себя гнала взащей.
Идет вдоль дома алкоголик Сашка
Из клана беспробудных алкашей.

Да нет, он добрый, помогал с коляской
И гвозди прибывал за хозрасчет.
И бабка мне моя шептала с лаской:
– Ну, мож, хоть этот свататься придет.

Я избежала (поменяв квартиры)
Бракованного брачного венца.
Давно на свете нету бабы Иры,
А Сашка – жив. Не спился до конца.

Смотрю, порой идет из магазина,
Качается, но все-таки идет.
Когда вам прибывает гвоздь мужчина,
Производите денежный расчет.

Ну, хорошо, допустим, я вставлю зубы и почию шасси.
Думаешь, Ань, увидит этот, на небеси,
Подпишет помилование, отпустит к вам на лужок?
Альфа-самца подпустит? И он так в один прыжок
Ррраз! и ноздрями вздрогнет в сторону, где стою
И улыбаюсь во всю новую челюсть свою?

Думаешь, Ань, попрет, если сбросить двадцать кило?
Думаешь, придется всем молодым и нищим назло?
Думаешь, твой стилист поможет или корм не в коня?
Косметичка-то, Ань, возьмется вообще за меня?
А нос?! Ань! Укоротить, может, хрящ носовой?
Надо же было родиться с бракованной спереди головой!

Губы вот эти тонкие... ненавижу! Уродство, глянь.
Как-то надо с этим бороться. Ботокс не катит, Ань.
Хочется ж уместаться на титульном-то листе,
А представь себе фото с ботоксом на могильной плите?
Кстати, о возрасте. Как поменять психологию, Ань, вообще?
Нет, я не о склерозе. Нет, я не о носовом хряще.

Вот снимут с меня венец безбрачия, начистят фасад,
Останется ведь рубец на темечке от венца и уклад
Некрасивой женщины, ни разу не званой в ЗАГС.
Говоришь, они ненавидят плакс?
И что мне теперь уже и не пожаловаться на судьбу?!
Вообще ни разу?! Никаких бу-бу-бу???

Ну, я подумаю... Не так уж он и тяжел, безбрачный венец.
Какая же ты все-таки, Ань, молодец.
А если вот это все... вложиться, как ты говоришь,
Нет, я хочу понять, ты не дуришь? Ты не дуришь?
Пойдет движуха, сойдут проклятья, завертятся Инь и Янь?
И ты гарантируешь? Ты гарантируешь, Ань?

Множились хлопоты сестрины:
Полнился список семьи.
Были безумны и ветрены
Младшие братья мои.

Влюбчивы и неразборчивы.
Стерты боданием лбы.
Ласковым временем порчены,
Перед несчастьем слабы.

Их молодое язычество –
Скучно небесным властям.
И оттого-то с девичества
Льнула я к старшим братьям.

Эти не сразу откроются,
Трудно подпустят к себе.
Только походка ускорится,
Хоть и – болит при ходьбе.

Этим доказывать надобно
Кровное с ними родство.
Сколько меж нами загадано,
Сколько случилось всего!

Ах, моя братия добрая,
Вечные страхи сестры,
Вечная нежность, которая
Соединяет миры.

Вот они – держат спасающе
Всю колесницу семьи –
Братья мои сотоварищи,
Белые крылья мои.

В. Д.

Говорила женщина – свет не мил.
Говорила женщина – нету сил.
Говорила – тяжкое волоку,
Многовато выпало на веку.

А потом задумалась тяжело.
А потом запела, и все прошло.
А потом задумалась – все легко.
А и взгляд закинула высоко.

По какой параболе, по дуге,
Словно что заметила вдалеке,
Поднимала голову в небеса,
Сотворяла песенкой чудеса.

Поднимала вверх самую себя,
Отрешенно музыку теребя.
Поводила бровью, надув губу,
Принимала – так уж и быть – судьбу.

И о чем-то там говорила ей,
И – чего там – тяжесть прощала ей,
И любила, в общем, судьбу свою,
И кивала: ладно уж, допою.

Проходом зала в ряд передний,
Указывая на него, –
Ведет семидесятилетний
Восьмидесятилетнего.

Их пару, как волхвов с дарами,
Я взглядом от дверей веду.
Сошлись в беседе головами
Ступают тихо, как по льду.

Проплыл вперед источник света,
Но с памяти я не сотру –
Тот трепет младшего поэта
Пред старшим другом по перу.

Алексею Архиповскому

Ах, далеко мне до всезнайки,
Поэтому сама спрошу:
А сколько струн у балалайки?
Одну я в памяти ношу.

И мне ответила газета,
Подруга, телевизор, сеть:
«Жалейных три струны надето
На треугольник».
«Умереть!»

О, да! Я вспомнила, конечно,
Всего лишь три струны, всерьез,
Чтоб в песне плакать безутешно,
В частушке хохотать до слез.

Лететь над пропастью, как птаха,
Над степью в дымке золотой
Под вязкие созвучья Баха,
Романсовый напев литой.

Однажды в черноморской стыни
Под звездным небом замер зал.
Я видела, что Паганини
На этих струнах вытворял!

И с этих пор я знаю точно:
Играешь или пишешь, брат, –
В тебе все дело.
А не в том, что
Твой инструмент замысловат.

Таруса. Камень

Капает с мезонина
Талый мартовский снег.
Этим путем, Марина,
Переходя на бег,
Вниз к роднику, на взгорок,
Мимо воскресших стен
Храма, раскрытых створок
Справа, набухших вен
Выси твоей, осина,
Вздохов твоих, ольха,
Этим путем, Марина,
Первым ростком стиха,
Вздыбленною строкою,
Спазмом ростовских гланд,
Властвовать над Окою,
Словно над Арно – Дант,
В дом, над которым камень
Ждет, белизной слепя,
С чёрной-пречёрной Камы
Как возвратить тебя?

Таруса. Дача

Попавший в сердце по касательной
От дачи над землей оборванной
Я привезла осколок краденный
Кирпичной кладки, веком взорванной.

Осколок – как название книжицы –
Лежит и на страницу просится.
Как будто век двадцатый пыжится,
А двадцать первый только косится.

Взорвать меня? Рискни структурою,
О, время взрослое, кровавое!
Я крепче дачников фактурою,
Не похороненных державою.

По склизи на обрыв карабкаясь,
Держась за ветки пересохшие,
Я знаю, что еще рожают нас –
Рожают нас твои усопшие.

Под каруселями с лошадкою,
Под танцевальной площадкою,
Стоит фундамент – видишь в щель его? –
Изборском, камнем на Плещееве.

Когда же камни, что разбросаны,
Мы будем собирать откосами,
Чтоб сколыш мой, как все исконное,
На место вознести законное?

Таруса. Косточка

Мне бы черной ночью
Не сидеть над строчкою,
А пробраться в спальную
Часть погоста дальнюю.

Лунной, лунно-черною
Ночью обреченною
Умягчаться в горести.
Мне бы в эти волости...

Рыть бы мне, чудовищу
(В слюнях по сокровищу),
В кровь сбивая горсточку,
Чтоб – хотя бы – косточку!

Мне одну бы малую,
И – тебя побалую:
Отвезу возьму-ка я
На Оку, баюкая.

Таруса. Елабуга

Холодное. Одинокое.
Кладбище волоокое.
Мне ничем не вредящее,
Вязкое, ненастоящее.

На настоящем кладбище
Сладостно, как на пастбище.
А на чужом пристанище
Сладость свободы та еще.

Я б лютовала, вкопана,
В землю антинекрополя,
Я бы ползла на вымени
Из-под холма без имени.

Полно. Очнись, безумная!
Эта страна безлунная,
Аж со времен гексаметра
Прячет улики намертво.

В начале новой эры концентрируются времена,
Словно боги, не чуждые оптимизма,
На новом выводке, на отборных гениях, на
Блюющих на палубу по слабости организма.

Крепкие не в чести, потому что стоять на своем –
Дикость. Это мы – незамеченное поколение –
Еще живые, но уже забытые, иногда встаем
На пути, но – моргни – и нет никого. Виденье.

Это мы собираемся на закрытые вечера
В музейчиках и театральных подвалах.
Не типовые, не чипированные вчера –
Сегодня мы в списках отсталых,

То есть подлежащих забвению. Президент
Так и сказал молодежи: настал момент,
Поле расчищено – стройте свою систему,
И улетел за стену.

*

Мне кажется, что ты моложе,
А я старей.
Предательство – на дряблой коже
Календарей
В отрезке между двух свиданий,
Разъяввших нас,
И нет достойных оправданий
Движенью глаз,
Когда не то что бы лукаво,
Но не всерьез
Я взгляд веду куда-то вправо
С твоих волос.
Ты думаешь, ушла, что в воду,
Как ни зови.
А это я даю свободу
Твоей любви.

Человек взирает из-за гардин
На пустыню, на море, за корму.
Человек уверен, что он – один,
Что не нужен больше он никому.

Человек не верит в случайный фарт,
Человек не верит в прицельный флирт.
Он давно не верит и в Бога, факт, –
Не гляди, что часто с ним говорит.

Выйдет из дому, вроде народу – тьма,
И кассирши в булочной узнают.
Вот идет он к людям, а в нем – тюрьма,
Где свиданий с близкими не дают.

Так и Бог – окрест, а внутри – протест.
Одиночество – самый легкий крест,
Потому и носят его века,
Прорастает он сквозь твои бока.

Человек молчит, он сомкнул уста.
У него куриная слепота.
Не поймет, отчаявшись, одного:
У него есть верящие в него.

Я себе представляю его народ.
В воскресенье сходитесь весь приход,
И, дождавшись бога и ребятни,
За него молитвы поют они.

Человек вот этот, нет-нет, и сам
Повернется к призрачным тем басам,
Доносимым ветром к нему вотще.
А иначе как бы он жил вообще?

Сентябрь 1812

Подобна девственницам старым,
Полубезумна, но жива,
Поругана, черна нагаром,
Лежит передо мной Москва.

Втихую крадучись задами,
Фельдмаршал к сантиментам глух.
Прибит осенними дождями
Навечно к ней французский дух

И запах гари, запах гари!
Не соскresti его сполна,
Как ни старались бы татаре
Запального Ростопчина.

А те – насильник, с хладным старцем,
Уж не жалеющим полки –
Стоят под Малоярославцем
По разным берегам реки.

Один – у девицы в передней
Растлил старуху в соболях.
Другому в близкий час последний
Аукнется Совет в Филях.

Загорелась главка золотая
Отраженьем ладанки-луны.
Храм отбелят к середине мая
К радости Рогожской стороны.

Церковка уже леса снимает,
Словно оголяется плечо
И другое. Шею-то ломает
Настоятель, глядя горячо.

Ничего, что я храню опаску,
Что привыкла в отдаленье стыть.
Я порой хожу туда на Пасху.
Просто, чтоб дорогу не забыть.

*

Как бы так зажить, чтобы парк вокруг,
Чтобы даже, может быть, пара слуг,
Чтобы убран дом, и цветы в горшках,
И альбомы в пушкинских все стишках.
Чтоб вставать и петь, а потом читать,
Кружева и шелк, и своя печать,
И не так, чтоб старость, а все же – вот
Положение в обществе и доход.

Как бы так зажить, чтобы сталь, hi-tech,
Панорамный вид, запредельный век.
Вдоль окна – то тучки, то НЛО.
Голограммы близких во все стекло.
Неизвестно, живы ли. Смерти нет.
Подарил бессмертие интернет.
Так зажить, чтоб космос ко лбу прилип,
Чтоб под кожей – предназначенья чип.

Как бы так зажить, чтоб не ждать войны,
Чтобы слышать музыку тишины,
Чтоб не видеть, как истребит талант
Узколобый внутренний оккупант.
Как бы так зажить, чтоб ни вниз, ни ввысь
Не мечтать отсюда перенестись.
Как бы так зажить, чтоб хотеть – нет-нет –
Выходить из дома на белый свет.

*«По силе презренья догадываешься: новые времена»
И. Бродский*

Ничего-ничего, поживи бессловесной тварью,
Позабудь наречья, привыкай к бездумью.
Жизнь, как вдовая, хорóнится под вуалью,
Чтобы мы не лезли к ней со своею дурью.

На пороге старости уменья обратно пропорциональны
Допустимой амплитуде телодвижений.
Что до желаний, они минимальны:
Ни тебе раздражителей, ни раздражений.

Страх исчерпан. Любовь рукотворна.
Все, что клацало в сердце, ты переможил,
И теперь тебя заведут разве что Армагеддона
Трубы или лекарство, делающее моложе.

От такой тишины или уходят в веру,
Или копают грядки с остервененьем,
То есть любовь к природе – мера за меру
В медленном свыкании со стареньем.

Расписывая свой бюджет в дневнике, пожалуй,
Вычеркни суету из колонки «кредит»:
Ибо затратна жизнь в разговорном жанре,
И все равно от смерти не обезвредит.

*“Не судите никак прежде времени,
пока не придет Господь,
Который и осветит скрытое во мраке
и обнаружит сердечные намерения”
(1Кор.4:5).*

Началось с того, что всякий пошел судить.
Начался судёж, понеслась реакция по цепи.
Если кто осмеливался мысль родить,
На костер его, и развеют прах по степи.

А другие, крадучись из мазутной тьмы, –
Хвать и тех, что в кружки сошлись у кострищ,
А потом, пионеры, приходим такие мы
И в колонны строимся в направлении Трехселищ.

Вот мы движемся факельным шествием по лесам.
Наши уши голодают по вражеским голосам,
Мы живем, пока встает у нас на чужую речь,
И в варяжской нашей крови: кого бы сжечь.

В ритуальных танцах все мы теперь жрецы.
А когда друг другу станем – лишь мертвецы,
Народятся немые дети на весь простор,
Потому что язык опасен с недавних пор.

Человек идет на фронт воевать.
У него жива, наверное, мать.
У него жена, детей полон дом.
Да и ходит он под крестом.

Ну, решил так, ну, ремень затянул.
И никто его туда не тянул.
Пострелять? Кровавой славы сорвать?
Убивать пошел, твердят, убивать.

Полон ненависти к этой войне,
Виноватым он вернется вдвойне,
И родившая его, и – ему,
Не поймут его, и я – не пойму.

Только против ничего не скажу,
Потому что никого не сужу,
И чего уж огород городить:
Знамо кто один нас может судить.

Останавливать его и стращать?
Призывать врагов повсюду прощать?
Но не взять его сегодня на понт,
Потому что существует ведь фронт.

Рождественское. 2016

Тот, кого никогда и не было на Земле,
Жил то на Олимпе, то на степных равнинах,
Над рекой и в реке, в подполе, в помеле
Мышью шуршал, призраком выл в руинах.

Тот, кого никогда и не было на Земле,
Золотом в голубином небе сиял над нами.
Паром дышал в болоте, камнем дрожал в золе,
Рассыхался столбом перед дикими племенами.

Был он то ласков, то весел, как виноград на свет,
Требовал мяса свежего на обед,
Обещал урожайный год, утешал бесплодных,
Был прародителем сил природных...

Этот, который соткан из оболочек, столь
Схожих с моими, был изначально – боль.
Этот, который обучен был выпиливать и строгать,
Этот – Слово и есть. Это слово – «страдать».

Этим он брат мне, этим он мне живой.
Этим он мне болит, как след ножевой,
Третью тысячу лет я несу в себе
Страдание, словно вывеску на судьбе.

Каждому свой черед цвести, увядать.
Мой учитель учит лишь сострадать,
А за невыученный урок – не сечет спины,
Хватит, мол, с тебя и чувства вины.

Плачь, говорит, мой ангел, слезы тебе к лицу.
Этот урок подходит уже к концу.
Жалко ему меня, а мне его.
Особенно в Рождество.

Я вспомнила, как я молилась
По всем монастырям, когда
Ты умирал, чтоб излечилась
Неизлечимая беда.

Святых церковный хор московский
Меня надеждой утешал.
И только Серафим Саровский
Задул свечу и врат не стал.

Свеча в руках моих погасла,
И вздрогнул ангел на плече.
Чем кончится, мне было ясно
И при свече. И при свече.

Икона правду выражала,
Подобно честному врачу,
Но помню, как же я бежала
От погасившего свечу.

Проживу монашкой, умру витией,
Только, даже если и не грешна,
Не бери меня, Господи, во святые,
Потому что смерть у святых страшна.

У заставы райской – устав железный:
Повышают ратников в званье ведь
Не за то, что в жизни тягался с бездной,
А за то, что принял за это смерть –

С расчлененьем, кровью, посмертной дрожью,
Чтобы помнил ты до конца времен:
Человек способен на дело божье,
И на жертву божью способен он.

И вечер длится

1.

Кто посуду моет, досадует на прокладку,
Ибо кран свистит, словно он архаичный стилос:
Как ни ставь заплаты, а дело идет к упадку,
То есть тело идет ко дну, то есть жизнь сносились.

И тогда взывает к небу посудомойка,
Проклиная кран, из которого каплет капля:
Это все за что мне, господи? Мне и только!
Это травля, господи, это такая травля?

И одной бы капли хватило ей, не протечки,
До которой она терпела еще, терпела...
Ты прости ей, боже, эти ее словечки,
Просто кран чинить – не женское это дело.

2.

«Отступи от меня», – стучала и я по буквам,
Отрекалась некрепким духом в повторном морге.
Благочинным лайкам счет вела по фейсбукам,
Предъявляла: вот, учитывай их при торге.

Я хотела платы за эти мои утраты,
Я хотела благ за мою чистоту и веру.
А когда наступал промежуточный час расплаты,
Показанья снимали, как воду по водомеру.

Незаметная течь, бестолковая речь, упреки,
Суесловье, пустоты жизни, строптивый стилос.
Не смиряюсь, но благодарствую за уроки,
На которых я и кран чинить научилась.

3.

Крепостные речи, спорщики с небосводом,
Со крыльца Василия, рифмой скрепляя фразу,
Выходили и мы на площадь перед народом,
Но народ безмолвен был и невидим глазу.

Посылала наша вера нам испытанья –
Безразличье толпы, что хлеще четвертованья,
Умирили наши ямбы среди аилов,
И белели стружья на детушках-книгах, Иов.

Ничего мы здесь не просили в труде безгрешном,
Разве что молились рифме в углу столешном,
Починяли мир, да не очень-то он чинился.
Вечер длился и длился, как будто из крана лился.

Смерть вчера гуляла ночью
В доме после двух.
Всей своей костлявой мощью
Мой вбирала дух.

Я сказала ей: – Ошибка!
Ты ведь не за мной.
Видно, видишь ты не шибко
В темноте ночной.

Смерть улыбкой отвечала.
И к другой плыла,
К той, что с самого начала
Здесь ее ждала.

Ватикан

Пешком ли, в казенной карете –
Под благословенье Петра –
Таланта строптивые дети
Спешат на работу с утра.

Закуплены краски и кисти,
Заказчику дело важней:
Как эти хоромы не чисти,
Все носится запах свиней.

Дух божий не вспрянет, покамест
Дух Борджиа в стенах живет.
Желток, винный уксус и камедь –
Настенную память сотрет.

Служить первородному делу:
Не папе, а целям творца –
Один заступает в капеллу,
Другой в кабинеты дворца.

Ревнуют друг к другу немного,
Но полны извечных идей:
Один – про величие Бога,
Другой – про величие людей.

Madonna Solly

Я книгу читала, которой пока
Не создано временем вовсе.
Я сыну шептала: держи щеголка
И букв непонятных не бойся.

И он не боялся, как будто над ним
Я легкие строки читала.
За лапку щегла привязала и нить
На ручку ему намотала.

Кто навыка чтенья еще не обрел,
Того не печалится темя.
Но дергал его за запястье щегол
И звал полетать надо всеми.

Младенец смотрел на земной окоем,
Вздыхая украдкою тонко.
Я книгу читала о сыне своем,
Дрожала рука, да и только.

Ирод

Пророчества дурные позади,
Но донесенья подтверждают что-то,
Подобное пророчествам. В груди
На уровне ключиц клокочет рвота.

Пять тыщ пятьсот восьмой в календаре -
Теперь свергают быстро, наловчились.
И он следит за каждым при дворе.
Два сына от измены излечились

Ценою жизни. Память стерла их,
Но с паранойей старческой нет слада.
Другие два пока живею живых,
Но окрутила их Иродиада.

Освобожден и взят Ершалаим,
Храм восстановлен и сношенья с Римом.
Все позади. Но своенравен Рим,
И тьма сгустилась над Ершалаимом.

Она – есть смерть. Уж тут, как ни крути,
Бессмертья не доставят по приказу.
И трое старцев, ищущих пути
В бессмертие, не призраки ни разу.

Ну, сколько там младенчику сейчас?
Полгода-год? Сюда скорее, черти!
И вот он отдает бойцам приказ -
Не ради власти, а из страха смерти.

Ах, нет, не так – из страха не найти
Бессмертия, он смертностью увечен,
Бойтся трын-травую порастить,
Оставить мир, который бесконечен.

Старение, ты заставляешь жрать
Младенцев! Выбегать к гонцам впустую,
Бояться тени собственной и ждать,
Когда отменят смерть как таковую.

Он заперся. Зовет по именам
Детей своих, супругу и кого-то
Еще, еще... по храмовым стенам
Ползет рассвет. Сияет позолота.

Храм

Пройдя свой путь, собрав учеников,
Что на оливы ранние похожи,
Он к завершению жизни был готов,
Но одного боялся – толстокожи.

Народ стекался к Храмовой горе,
Готовил к Пасхе жертвоприношенья,
В них уживался бог о той поре
С желаньем эпатажа и глумленья.

На площади, где не жалея гланд,
Кричал петух и агнец полнокровный,
Менял народ серебряный талант
На шейкели для подати церковной.

Протискиваясь внутрь, в конечный пункт,
Меж скаредных пеняжников с лотками,
Он чувствовал, в нем закипает бунт,
И обменялся взглядом с облаками.

Преодолев и портик, и колонн
Слоновьи ноги, в зал, где воздух вещей,
Прорвался он. И вопль исторгнул он:
– На этом свете есть святые вещи!

Святые вещи! Слышите меня?
Он надвигался медленно на стадо.
Не верите? – Разрушите! Я в три дня
Восстану после вашего обряда.

И всякий, даже тот, кто возмущен
Был самозванца речью самовластной,
Увидел: храм, конечно, осквернен,
Но думал: «Нарывается, несчастный».

Намоленый великий храм искусств!
В тебе гульба и серость процветает.
Того, как чистоте служил Иисус,
Твоим менялам праздным не хватает,

Пока от грязи тащится народ,
Мы грязи потакать не имем срама.
Но должен кто-то быть, кто в храм войдет,
Кто не отдаст беснующимся храма.

Я – маленькая. Я не понимаю,
Зачем у нас в семье рожают к маю,
А после говорят про маяту,
Как неизбежность. В мае я цвету,
Еще не маюсь, не перегибаюсь
Через ограду на пустом мосту.

Я – маленькая. Я уже узнала:
От холода спасает одеяло,
От жара помогает пропотеть,
А боль проходит, если потереть.
Ожег ременный, крик одновременный –
Мой месяц обозначился на треть.

Я – маленькая. Я иду с мешочком
Ночным бульваром. Слава одиночкам,
К которым я примкнула в эту ночь.
Я изгнана своим семейством прочь.
И мне, невинной, ясен факт наивный –
Мне, майской, маяты не превозмочь.

Я – маленькая. Я об этом знаю.
Я камешки бульварные пинаю.
Преображаюсь, слезы лью в саду.
Предчувствуя грядущую страду,
Всхожу на гору, как по приговору,
Страдаю, маюсь, но не пропаду.

Я – маленькая. Майская. Мирская.
Шепчу: за что? – ресницы опускаю,
Да – именно шепчу, едва-едва.
Меня хранят слова, слова, слова,
Пока с мешочком я иду по кочкам,
И май вступает в полные права.

Кино

Когда еще жива была Татьяна
С резиновой, как мячик, головой,
Не вспорот слон, казалась морем ванна,
И пахло близко тряпкой половой,

В воскресный день один, изображая
К искусству тяготенья, заодно
Обновкою женатиков сражая,
Родная мать взяла меня в кино.

Отговорил журнал про съезд и пашню,
И свой «Фитиль» озвучил Михалков.
И рамка на экране, дрогнув страшно,
Расширилась до дальних уголков.

Свет погасили. Сказка странновато
Каким-то пеньем грустным началась.
Шепнула мать: «Запомни – Тра-ви-а-та!»
И вся вперед немного подалась.

Всю сказку героиня громко пела,
Хотя болела, в общем-то, коза.
Сморкалась мать в платочек то и дело,
И дважды закрывала мне глаза.

Там фуэте крутила балеринка,
И мать, простая женщина, считай,
Мне говорила:

– Пласидо Доминго.
Васильев и Максимова. Считай.

А я считать немного не умела,
Зато ревела тоже от кино.
И таяло в руке моей без дела
И капало на платье «Эскимо».

И, несмотря на ужас умиранья,
На то, что мать мешала, как могла,
Мне сказка та понравилась, а Таня
Потом уже от кашля умерла.

Я долго с ней играла в Травиату,
И пела ей картавые слова.
Какие сказки делали когда-то!
Лишь музыка, а сколько волшебства!

Зима, Мария, пустота.
И вечный разговор с собою,
И препирательства с судьбою,
Уж чересчур она проста.

Мне ясности не надо столь,
От ясности с ума и сходят.
Ее назвали непростой,
Она – простая, скулы сводит!

И предсказуема, как зим
Российских черных неизбежность.
Талант – проверка на прилежность.
Привет! Давай поговорим

Не обо мне, а о тебе,
Я знаю, ощущаю кожей:
Погрешности в моей судьбе
Похожи на твои, прохожий.

Я о себе, но я – о нас,
Я – переписчик, ученица.
Но то, в чем я разобралась,
Глядишь, тебе на что сгодится.

Я не великого ума –
Умен диктовщик, небом залит.
А набело уже зима
Все перепишет и подправит.

На площадке на обзорной
Ты стоишь. Внизу река.
Над расщелиной над горной
Проплывают облака.

Ты и сам белей и легче
Этих низких облаков.
Шум течения тем резче,
Чем он выше. План таков:

Я несусь, как мальчик местный,
Разбежавшись, вниз, в поток,
Чтобы ты, мой неизвестный,
Страшным чувством занемог.

Чтоб без той, которой руку
Подавал взойти сюда,
Всех утрат своих науку
Обесценил навсегда.

Ах, не бойся, из студеной
Скоро выйду я реки –
От надежд освобожденной,
Всем наукам вопреки.

Я сама – любить трусиха,
Пуганое существо.
Как же холодно и тихо
Возле Стикса твоего.

Как красиво, Господи! Умеешь
Пустоту и мрак поднять в цене:
То снежинки по ночи развеешь,
То музыкупустишь в тишине,
Скрасишь одиночество любовью –
Безответной, дивной, расписной,
То метущемуся поголовью
Истину даруешь на Страстной.

В чем мое спасенье, я не знаю,
Манит свет, засасывает мрак.
Снег идет! И он идет по краю,
Он уже над пропастью набряк.
Это все – штрихи к автопортрету
Пустоты, отрада пустомель.
Но спасибо, Господи, за эту
Первую московскую метель.

Памяти Н. С. О.

Мне было восемь. Я была Лолита.
Но полновата и мамашей бита,
Я счастлива была в часы гостей
От их сюсюканий и сальностей.

Дядь Коля к нам приехал из Дамаска.
Загар на нем, как рыжая замазка,
Блестел и вглубь морщинок уходил.
Меня он сгреб и рядом усадил.

Он был советник по военной части,
Но сам тут – за советом: встретил счастье.
Сестра ж его, моя родная мать,
Ему семью велела сохранять.

Дядь Коля возражал ей в одиночку,
И пальцами все тербил мне мочку,
Ну, что ли, машинально, словно так
Детей ласкают все в его местах.

Их спор тонул в ушном хрустальном звоне,
Поскольку что-то в эрогенной зоне
Творилось у меня и жгло, и жгло,
И я уже дышала тяжело.

О, бедная московская Лолита,
Еще не знала я, что нет лимита
В любви, и, если любишь – любишь всех.
Избыток счастья был на пальцах тех.

О, Господи Всевятыи, Всеблагой,
И этого к Тебе похоронила...
А мать тогда его отговорила
Бросать семью и уходить к другой.

Новая школа

---

*

Сказала здесь меня не понимают
И не ушла

*

Любовница профессора истории
Любила интересные истории
Он ей о княжеской раздробленности
А ей хотелось все подробности

*

А на картошке оказалось весело
И навсегда покончено с неврозами
Кололись колоски на поле скошенном
Особенно когда менялись позами

*

Они его опознавали в морге
А в крематорий все же не пошли
Работа вместе это же не повод...
Вернулись помянули добрым словом
Тут заскочил на огонек и он

*

Мать по больницам
Дочке одиннадцать
Попросила знакомого
А он выпил
Ненавижу пьяных

*

На нее повесили недостачу
Ей светила тюрьма
Возмести говорят сама
А иначе...
Бегала занимала
А дочь отказала

*

Всю жизнь жила одна а тут роман
И он грузин и он уж строит план
И вот он к ней переезжает факт
Через неделю у него инфаркт
А скольких ведь могла еще сгубить

*

Старушка так любила пуделя
Что остальные ее не трогали
Бывало смотрит и думает: люди ли
Или какие-нибудь брокколи
Она вообще жила на Соколе

*

В углу детсадовского садика
В большой коробке из-под штруделя
Она похоронила пуделя
А после прикопала кошку и попугая

*

На третьем курсе юридического
Позвала всю группу в гости
Через неделю хватилась кольца
Страшная профессия

*

Чтобы он расписался
Ему набили морду
Однополчане
Ей рожать со дня на день

Отыгрался
Когда вез ее в госпиталь
Карлхорста
По бульжникам
На мотоцикле

*

В партком ее любезно пригласили
На встречу по ее же анонимке
Уж он стоял навытяжку пред всеми
Его спросили: алименты или
Поедешь в гарнизон на Сахалине
Когда б еще попал на Сахалин

*

Их вызвали насчет того завхоза
Который думал что Москву сдадут
И убегая на грузовике
Прибрал запас муки всего завода
Она сошла в лубянские подвалы
Себя не помня и потом всю жизнь
Встречалась с тем женатым офицером

*

На трамвайчик в Сокольниках очередь
На трамвайчик мне хочется очень ведь
А за мною старуха стоит
И шестым на руке шевелит
Шестипалость – говорит - не врожденная
Химзаводом она награжденная
Ненавистная химия с детства
Ненавистная химия детства

*

Хотел жениться так что удивляло
Ребенок у нее хоть и квартира
Она его прописывать не стала
Он ей припомнил все: здоровье дочку
Полковника Минобороны папу
Который обещал золотые горы
А сколько денег грохнули на свадьбу
Фамилия была еще такая
Злодейская... Севрюгин...Сердюков...

*

А в Хрустальном переулке
Раздают Госснабу булки
И сметану и икру
Дед работает с экстазом
А я езжу за заказом
Это как играть в игру
Он приносит в кабинет
Пакет
И давай на две кучки делить еду
Больше я не пойду

*

На самолет она взяла –
И проспала
Побаиваюсь Горького читать
Поскольку не дай бог на нем летать

*

Поток сознания зародился в ней
Когда не легче стало а трудней
И стоило прожить полвека
Чтоб жизнь улучшить человека
И перекрыть поток

*

Хотели в церковь заглянуть
Но преградил монах нам путь
И показал тогда поэт
Союзписателей билет
И в этот миг торжественный
Он был такой божественный

*

Если растают полярные льды
Не завезти их обратно
Ну и ладно
Есть! еще белые пятна

*

На зеркало нельзя пенять?!
А на кого ж еще?!
Вы что ли
На стороне зеркал?

*

Учитель игры на виолончели
Так часто трогал подушечки
На пальцах новой ученицы
Что она навсегда запомнила
Что-что а подушечки у нее
Что надо

*

Прогнило что-то в нашей перестройке

*

О, сколько рыбок золотых я погубила
Когда в аквариуме воду поменяла
Сейчас бы было и здоровье в норме
И яхта и усадьба на Лазурном
Довольствуйся теперь тропой народной

*

В детском школьном спектакле
По сочинениям Пушкина
Играла старуху в Рыбке
Вот так как-то сразу все и не задалось

*

Как скучно ночью на могиле Вульфа.

*

Ну с Пушкиным ну на одной ноге
Ну метров сто между домами нашими
К одной заутренней с мамашами
И во дворе в одной песочнице
Обоим
Обедать
Няньки из окна кричат
Но мы в своей а Пушкины на съемной

*

Уйду к врагам
Наговорюсь

*

Даже как-то странно
Что у поэтов бывают живые родственники

*

Путем окольным сделали обмен
Разъезд с доплатой переезд с потерями
Приехали на Бронную а там
Уж невозможно было скрыть от чада
Что существует блин Литинститут

Если хочешь счастья – вот оно.
Приходи-бери. Я отвернулась.
Не смотрю, и в комнате темно.
Или я в расчетах обманулась?

Или свет включить и подвести:
Посмотри – богатство-то какое!
Можешь все ладонями сгрести.
Говорит:
– Оставь меня в покое.

Столько мне не надо. Груз тяжел.
И сиянье ослепляет больно.
– А тогда чего же ты пришел?
Смотришь нежно, говоришь окольню.

Я же вижу: тощая сума,
Узнаю голодных – голодала!
Ну, взглянуть-то можешь? Я сама
Этакого счастья не видала.

Съешь хоть ложку, открываем рот:
За семью твою, за нас с тобою.
Сладостно? Распробовал? Ну, вот.
И чего ж ты отпирался от
Блюдечка с каемкой голубою?

Просни меня, мне надо записать.
Просни меня, мне сон ужасный снится.
Просни меня, прости меня, проситься
Не буду больше – воздух сотрясать...

Просни меня, и можешь не входить
В судьбу мою, в казенную хорому,
Где долго снишься... Но в конце истому
Не сдерживает плоть и просит пить

Кого-то незнакомого, извне.
Просни меня в тот миг, когда всем весом
На клавиши он давит с интересом –
Нащупать мессу новую во мне.

Не зазвучу, но ты меня просни.
Рассветом на лицо мое плесни.
Проснусь и сяду: строчки не упомяну;
Лица чужого; сумрачную вязь
Неологизма... Как же я исполню,
Чем за спасенье ночью поклялась?

– Что дать тебе? Что дать могу? Что дать? –
Он спрашивает – и не ждет ответа.
Но он готов ответ перестрадать,
Как выстрадал вопрос. Да тут примета!
Он ею все же хочет обладать.

Они сидят за столиком, идут,
Соприкасаясь пальцами случайно,
Они стоят в аллее, где приют
Нашла соединившая их тайна.
– А что, а что обычно-то дают? –

Она в ответ, не повернув лица.
Усадебная ветошь ветряная
Подталкивает зверя на ловца,
В материю иную окуная.
Она не может молвить и словца.

В сравненье скорбном с бедностью ночей
С холодными рассветами и веком
Без празднества и радости, он ей
Мог дать бы вот что: быть ей человеком,
Быть жаром, светом в тысячу свечей.

– Ты мог бы... мог бы... слов я не найду, –
Она робеет вымолвить. Рябое
Несется небо. Он имел в виду
Другое, ох, наверное, другое!
Формальности, девичью ерунду?

Но вот он переводит разговор...
Бог переводит время суток. Автор
Героев переводит через двор
В гостиную, нет – в спальню! где тот фактор,

Что он не обещал ей ничего,
Героями главы – мужчиной честным
И женщиной, скользящею по безднам, –
По-разному прочтен, скорей всего.

Когда мой сын готовился прийти
Для жизни, что светла и благолепна,
Я просыпалась где-то к девяти
И долго от сиянья солнца слеpla.

По стенам расплзались кружева,
Листва зеленый цвет в окно бросала.
Я шелестела нежные слова
Под шелковую сферу одеяла.

Я гладила живот, в котором жил
Младенец мой, готовый нынче сбыться.
И был сентябрь. И в воздухе кружил
Предвестник материнства – голубица.

Я пульт взяла. Зарокотал экран,
Как будто сам Арес всходил на пашне.
В прямом эфире Боинг (крупный план)
Как раз таранил стену Южной Башни.

Я глаз своих не стала закрывать.
Я и моргать-то перестала толком.
И голубица села на кровать
И крылья распахнула в крике тонком.

И вся Земля почувствовала вдруг,
И заучила я не по макетам,
Как сына моего сковал испуг,
Когда высотный рушился Манхеттен.

– Не бойся, – я шепнула в пустоту,
Но мысленно проговорила в раже:
«Притормози родиться!» – Крик во рту
Держа рукой, смотрела репортажи.

Тридцатого под вечер сыпал снег,
В родильне не играли светотени,
Пока рождался добрый человек
С летящей голубицею в тотеме.

Я вволю оторалась. Этот ор
Был слышен над Ист-Риверским проливом.
Родился сын мой в праздник трех сестер
И не пугливым вырос. Не пугливым.

Рывками. Выше. Ниже. Выше.
Летит технический прогресс.
Под ним внизу мелькают крыши,
Деревья, люди, речка, лес,

Под ним и в нем посредством вдоха
И выдоха живет Земля.
Но – миг – и рушится эпоха,
Рисуя в небе вензеля.

Представь: нас ветром разметало,
До новых нас сто верст пути.
И нет обратного портала
В погасшей намертво сети.

Другие, новые, живые,
Вы захотите нас понять
И самописцы бортовые
Из пепла древнего поднять.

Впрягайте лошадей в квадриги,
Чешите в наши города,
Ищите книги, ибо книги
Не погибают никогда.

– А вас закрыли! – мне кричит, бывало,
Притворный критик с тайным Пушкиным в груди, –
И чувства добрые будить – уж мало,
И в рифму рифмовать – господь не приведи.

Глядите, мол, кругом смеется каждый.
Ну, что вы как-то прям не заковыристы в строфах.
Ведь до смешного: льются слезы граждан
И мысли возникают в головах.

И эти столбики! И эти все размеры.
Ну, неужели трудно выхолостить смысл
И всякую эмоцию. Ведь люди нашей эры
Уж новых форм, казалось б, дождались.

Пусть хаос властвует и будет мир безлик.
Читатель – идиот, его мы исключаем
Из поля зрения! Да будет наш язык
Необитаем!

По реке густой и черной, как суп щавелевый,
Я плыла в ладье иллюзорной, да плыть не ладилось.
Мне кричали с моста: ластами пошевеливай,
Мне со дна шептали: что ты сюда повадилась.

Надо мной берега сходились – оба высокие.
Да теснился мир под поверхностью полированной.
Из-под ив глядели ящеры волоокие,
Из воды глядел предыдущий свет замурованный.

С берегов взвивались звонницы с переливами.
На лугах пестрели платья в четыре яруса.
А вокруг туристы щелкали объективами,
И глядел на них коронованный сокол с паруса.

И не знала я, плыву по какому времени,
На какой сойти мне берег с богами грустными:
На котором песни петь – нет страшнее бремени,
Или тот, что плясать зазывает рожками, гусями.

Когда во мне все страсти улеглись,
И страхи перепрятались поглубже,
Я все-таки еще смотрела ввысь
Сквозь отражение в каждой встречной луже.

Я знала, что судьба предрешена,
А в той судьбе, как в луже – отражение,
Зияет бездна, звезд полна. Она
Давно идет со мною на сближенье.

О, я готова всю ее обнять
И вес ее узнать, и свет восславить.
Всего и надо – голову поднять
И руки вверх ладонями расставить.

А ты следишь за мною свысока
И думаешь: вот глупенькая птица,
Направившая крылья в облака,
Готовая о небеса разбиться.

В доме Туполевого завода
Возле Бауманской – опять
Представление для народа
Мария устраивает. Не унять!

Снова заговорил зов крови,
Что гудит у нее внутри.
Она росла в колокольном рёве:
Отец и дед ее – звонари.

В московской жизни годов тридцатых
Она обвыклась: жена и мать.
Во времена вождей усатых –
Таким ли голову поднимать?..

Но, словно хор голосов надмирных,
Она сильна уже тем одним,
Что знает, как одарить квартирных
Наследным благовестом своим.

Душа изныла без тренировки
И просит радости источать.
Мария берет за конец веревки
И начинает тянуть-качать.

И поддается литая бронза,
Язык до неба возьми и дотронься.
И вот раздается на весь дом:
– Дон! Дон! Бом! Бом!

Ноги расставив для равновесья,
Слух притупив, не оглохнуть чтоб,
Мария праздники и предвестья
Играет от невидимых строп.

Под люстрой машет она руками!
В восторге дети ее режут!
И, чтобы ладилось с языками,
Меня ее именем назовут.

А что и греет, когда всем зябко, –
Тот колокольный наследный звон.
Я знаю, это во мне прабабка:
– Бом! Бом! Дон! Дон!

Игольное ушко

Начало 90-х

Ничего не помню, кроме...

В. Долина

Мать в коридоре шуршит плащом.
Плащик не модный, так – нищета.
Я пожимаю стою плечом,
Знаю откуда-то: все – тщета.

Как ты их, Господи, подвязал
В клетчатых сумках возить шмотье?
Товарообмен. Базар-вокзал.
Бессознательное бытие.

За игольным ушком встают миражи,
Потому что в нем преломился свет.
Как ты их, Господи, расскажи,
Научил выживать в горемычный век?

Ну, а я, красавица, с тех барышей
Накрывала стол, наряжалась в стрейч –
В ослепительной молодости своей,
Для меня уготовившей встречу встреч.

Угадала избранного, едва
Подкатил в угрюмые двадцать два,
Заняла у матери под аванс,
Чтобы стол накрыть, раз уж выпал шанс.

Середина 90-х

Трудовую книжку, что ли, пролистать на злобу дня.
Спите в жениной неволе все, любившие меня,
Спи вождей пастуший посох, коммунизма не сули,
Глаз начальнических похоть, угасай внутри земли.

Я тогда еще не знала: вы умрете, все умрут.
Свет гасила, одеяла отворачивала спуд.
Он входил, пыхтел в прихожей, клал продукты на диван.
И ложился всею кожей, тяжелой страстью обуян.

А потом кимарил сладко зав. ХОЗУ Руслан Ильич.
На столе лежала справка об анализе на ВИЧ.
Успокоился? Зараза к нам, таким, не пристает.
На столе стояла ваза, на дворе – голодный год.

Ничего не помню, кроме. Лишь в стене проход косой –
В старый город... Пахло в доме краковскою колбасой.
Все ломалось, преломлялось, словно свет в стеной щели.
И одежка с нас снималась, чтоб протиснуться могли.

Конец 90-х

Жить с одним, любить другого,
Третьему давать.
Быть готовой взять любого,
Словно крепость взять.

Беден род, а брешь бесплодна.
Что тут сторожить?
Ну, а на себя не годно
Руки наложить

Поперечным и продольным,
Через центр земли,
Я прошла путем игольным,
К миражам вдали.

Ниткой вдетой жизнь сложилась –
Равная длинна.
Что же столь пуста явилась
Эта сторона?

Я, как ниточка в иголке,
Собиралась жить.
Что же ты, портной в ермолке,
Хочешь мною сшить?

Мертвый град и оживленный?
Тот и этот свет?
Явленную с отраженной
Половинки лет?

Ничего не помню, кроме
Длинного пути,
Где темно, как в долгой коме.
Боже, посвети!

*

Когда мы переехали в эту дыру
С Малой Бронной,
Даже не знаю, что меня больше расстроило:
То ли перебор с высокими, сплетенными над дорогой
Деревьями, которыми заросла округа,
Как непроходимые джунгли,
То ли большое количество людей во дворах и возле
Магазинов, которые тут были повсюду:
Лавки, палатки, уважаемый полноценный
Гастроном, прозванный «Тихим».
Это я после поняла, что все люди на улице –
Алкоголики с трех заводов: Серпа, Войтовича
И того, что в конце улицы – «Красный путь».
Улица называлась - Рабочая.
Я старалась не произносить свой адрес вслух.

Время шло и постепенно
Стал меняться ландшафт.
В детстве я вообще не знала, что можно
Ломать дома и строить на их месте другие.
Но в девяностые я прочла, что на месте
Моей хрущевки на Рабочей улице
В девятнадцатом веке стояла церковь.
«Наверное, был и погост», - почему-то
Подумала я и содрогнулась.

Потом нам построили резиновую Москву,
Но название улицы осталось прежним.
Нам оставили один «Тихий», палатки снесли.
Даже – «Ремонт обуви».
А меня мучает временами вопрос:
То ли винные магазины закрылись
Потому что закрылись заводы,
То ли заводы закрылись,
Потому что закрылись винные магазины?

Я тяжелую книгу читала с последнего места,
Было время в ней – словно брюшина хирургом – разверсто,
Препарирован год имплантации новой системы,
Пандемия свободы, ходьба сквозь берлинские стены.

Переломное время сомнений, смятенья и смуты.
Не срастались никак в этом времени дни и минуты.
В нем прорывы сосудов и язвы на нем прободные,
Словно способы кончить историю беспроводные.

Мне казалось всегда, что о времени этом забыли,
Что – в бессилье лечить – эскулапы брюшину зашили,
Что неважно уже, как и кто на участок фатальный
Перевел эти годы – из рабства исход был летальный.

Но живем, дорогой, не живя – все мутирует в мире.
Мотивирует кровопусканье пиявка в эфире.
– В этой старой крови, – гематологи пыжаты в ленте, –
Превышение жизни, и цвет этой крови не в тренде.

Скоро в нас поменяют и память, и химию мяса.
Перепишет историю в триллеры серая масса.
И рожденные в пене морской, и рожденные в буре
Времена и красоты не выищешь и по «Культуре».

Я тяжелую книгу читала – тяжелую весом,
Эту бабу тяжелую с полным зародышей прессом,
Я внутри у нее созревала да воду жевала,
Из нее выходила, до наших времен доживала.

Приехала домой в своем авто,
Сидит внутри и слушает музыку
В той темноте, в которой, если кто
Окликнет, превращаешься в заику.
Но кто окликнет? Слуха решето
Впускает только мессу стоязыку.

На свете все возможно отложить,
Покуда не надорван низ брюшины,
Промедлить, опоздать, и ждать, и жить
Без теплоты... Но фуги и терцины
Умеют так покой разворошить,
Что невозможно выйти из машины.

По лобовому чиркнула звезда,
На миг салон машины свет наполнил:
«Любовь – не обязательно беда», –
Спасибо, ангел мой, что ты напомнил,
Что жить не страшно, но бегут года,
И Амадей заказ уже исполнил.

Она сидит и ждет в мобильном трель
Его звонка. А голуби на ветке
Глядят, как села жизнь ее на мель,
И риски превышают все отметки.
Но светится приборная панель
И тихое лицо в ночной подсветке.

В праздники, выходные, и в рабочих полуднях
Не забывайте, родные, об одиноких людях.
Как бы они ни привыкли, но в январе ли, в июле,
Хочется, чтобы вы к ним все-таки заглянули.
Просто так навестили, капельку посидели,
Чтобы себя взрастили в этом несладком деле.
Тут ничего такого – жить одному на свете.
Может, болезнь-окова, может, бросили дети,
Может, характер – ужас. Но все равно же, зла нет,
Им, одиноким, нужен кто-нибудь, кто заглянет.
Чтобы, обнявшись с вами, меньше они тужили,
Чтобы вы сами – сами! – всем, что есть, дорожили.
Пусть вас не беспокоит роль, что вам не знакома.
Что вам сегодня стоит вытащить их из дома?
Выползут из каморки, словно кроты из норки,
И давай озираться, только глаза слезятся.

*

Ангел мой, представь попробуй
На секунду только:
Я перескочила пропасть,
Но летела долго.

Мне теперь любить не страшно
И без отраженья.
Сзади бездна стоэтажна,
Под ногами жженье.

Дальше не ступить ни шага,
Не промолвить слова.
Камень, ножницы, бумага,
То есть пропасть снова.

Но – нелетные погоды,
Впадины зияют.
И на дне такие воды
Бурные сияют!

К краю этому приникла,
Никуда не деться.
Я давно уже привыкла
В пропасти глядеться.

Мне шептала река: стой, где стоишь: на дне, на дне.
Глыба каменная, истукан, тебя не поднять волне,
Не оживить молитвами, песнопениями твою кровь.
У тебя больше власти нет пробуждать любовь.
Я стояла, руки скрестив, опустив лицо.
Плыли рыбы-змеи, донные травы плели кольцо,
Относило течением того, кто и вцепиться рад,
Только скользко мое плечо, да и бок покат.
То ли столько воды утекло, что поменялся ее состав,
То ли срок прошел окаменелостям всех держав,
То ли река стесала с меня каменные пласты,
То ли в реку эту вошел и ты.
Так рождается из коросты неожиданный уже побег,
Из валуна – русалка, из скифской дурочки – человек.
Да неужто ты не слышишь: сердце во мне живет,
Я уже различаю сквозь толщу вод небосвод.
И отходит река, обнажая старинный плес.
И по коже моей ожившей бежит мороз.

Никто не виноват.
Просто такой расклад.
Человек за тысячу километров
Чувствует взгляд.

Главное, смотри в сторону глаз моих.
По положению звезд и белеющему вдали
Лицу ты поймешь – вот он, миг
Стыковки над бездной Земли.

Все молчит. Потрескивают бока
Кораблей, слышится страх антенн.
Это я издалека
Смотрю на твой Карфаген.

Завоевать? Оставить и мысль
Эту?
Смотришь в ответ, как Тунис
На Эгну.

И нет никакой возможности
Дотянуться через волн седины.
Вот и мы – противоположности,
А едины.

1.

Прожектор вниз! В сияющем столпе
Преступник. Рев мотора.

– Ждать приказа!!! –

В свой матюгальник гавкает в толпе
Главарь орденоносного спецназа.

Солдаты на позициях. В присест.
Поблескивает оптика. А в свете
Прожектора – стоит один, как перст.
Другие все впотьмах. Сейчас бы сети.

Все в белом... секта? Вот нетопыри!
Рванут, и всё пропало, рейд напрасный.
И скоро снайпер выгорит внутри,
Прицеливаясь через инфракрасный.

Майор орет:

– Спокойно! не стрелять!

И – брать живым, кого укажет местный! –

И кто-то там подходит целовать

Того, над кем завис фонарь небесный.

2.

Продам раба, куплю раба, продам...

Майор вплотную:

– Быстро по домам! –

И к старосте по-свойски:

– Принимайте!

Надень браслеты на него, солдат!

Смотри, сдувает ветром, хрупкий, гад,

Запястья ему не поломайте!

Молчат волчата, как от столбняка.

Задержанный им сам велит пока

Не дергаться и, правда, расходиться.

Маслины встали после ветряка,

Но скручены попарно на века.

– Ну, мы на базу! Нечего светиться.

Отчалил борт, забравший солдатню.

Совет благодарил их, как родню.

Дуплетом отвечали:

– Рад стараться! –

И было дел у старцев – полон рот!

Судить стремглав, пока не встал народ,

Который – вечно хочет разобраться.

3.

Уже над миром властвовала тьма.
Но власть была напугана сама,
Поскольку липкий страх потери власти
Не излечить ни лагерным хлыстом,
Ни танками в Варшаве, ни Крестом.
Шел суд приговоренных к высшей касте.

Был хаос в зале, зыбкий ток фигур.
Но тяготеет к ясности сумбур...
К порядку пристав призывал в сутане.
Свидетель «гнал», что пленный звался «царь»,
Но нес уже судебный секретарь
Вердикт, который был готов заране.

4.

Один беде своих соседей рад,
Другой оберегает свой уклад
И ратует за превентивный способ
Уладить разногласия в свою...
Вербует третий пятого в строю:
Четвертый же – неправильная особь.

Скрипели черных мерсов буфера,
Съезжались посвященные вчера
В великие сегодняшние планы.
Он старым миром был приговорен.
Потом кортеж метнулся на Сион
От дома отставного дона Анны.

На пальцы все печатки накрутив,
Старик явился к зятю на актив,
Там в зале приступали к процедуре.
Но Каиафа начал слуг лечить:
– Ведь я же приказал его мочить!
А вы мне привели его в натуре!

Процесс открытый, весь народ не влез,
Уж пятница. Рыжеет край небес,
Галдит ума судейская палата.
Четвертый час они ведут допрос:
Достаточно ли видимых угроз,
В обоснованье казни у прелата.

– Что впишем-то в заявку поутру? –
И Каиафа, дернув кобуру,
Взрывается:

– Упустим, час неровен!

Тебя винят в подпольном колдовстве,
В Наине – сына воскресил вдове,
Не возражаешь этому? Виновен!

Ты – Божий сын?! Где тесты ДНК?
И был один прием о те века,
Удостоверить сказанное: клятва.
– Клянись, что ты небесное дитя.
– Клянусь, – ответил мученик, хотя
Был голос разделен как будто на два.

5.

– Чего же ты тут делаешь, пророк?
Свяжись с отцом, ему-то мы потрафим.
Вот сотовый. Диктуй же номерок,
Смотри, в ответ не схлопочи анафем!

И Каиафа вышел прямо в зал
И, крикнув:
– Богохульство! – с белой пеной
Он на себе одежды разорвал,
Надорванные загодя за сценой.

И в этот миг, и позже, по пути
К куратору (поскольку был куратор
Над каждым, засветившимся в сети
Куратором) – и даже там сенатор

Ловил себя на мысли – если вдруг
Окажется, что этот полукровка
Не врет, что он наследный Демиург,
То может выйти несколько неловко...

Пресс-секретарь с потравой перегнул.
Пикеты во дворе, горели шины,
И кто-то плюнул, кто-то в икры пнул,
Когда овечку вывели старшины.

Коль есть две правды – значит, правды нет.
Порядок! Ты – лицо периферии.
В претории их ждал уже Префект,
На Пасху прилетев из Кесарии.

6.

- Прием. Прием. Я – первый.
  - Я – второй.
- Тут к главному – священник с детворой. –
- Впускай, он ждет.
  - Я – первый. Подтвердите. –
- Да ты достал!
  - Я понял вас. Входите.

Богата Палестина. Известняк.
Какой себе отгрохал особняк
Посредник меж евреями и Римом,
Совсем другими Зевсами хранимым.

– Нет, нам нельзя к язычникам, пардон.
– И че?
– Скажите главному, и он...
Вы новенький? Не знаете закона?
Пилат давно смотрел на них с балкона.

Уже пекло. Прелата разбудил
Еще спецназ, который в рейд ходил
И прилетел под утро. Он умылся
И в материалы дела углубился.

– Не этого ли узника народ
Встречал тут хлебом-солью у ворот
И шкуры стлал под каждый «цок» ослицы,
И пел ему Осанну?
– Небылицы!

– Не этот ли был найден по звезде?
А после проповедовал везде
Открыто? Дал слепому оба глаза
И мертвых воскрешал?
– Всего два раза!

– Так в чем повинен?
– Дело же в другом.
Поймите нас, о Риме дорогом
Все наши мысли. Он, вот этот субчик,
Похоже, присмотрел себе ваш стульчик.

Прелат перстом охране покрутил,
И узника на мраморный настил
Ввели. Взревели байкеры газами.
Пилат следил за узником глазами.

7.

Приблизившись, он понял: перед ним
Да, человек, но и другое что-то...
Опомнился: – Давай поговорим.
Тем более, болтать – моя работа.

– Да и моя. Брожу вот по мирам,
Учу, что значит истина Господня.
– Ты, говорят, хотел разрушить Храм?
– Его разрушишь ты, причем сегодня.

– Я храм не строил, и ломать не мне.
Иди к своим, и разбирайтесь снова –
И вывели опять его к стене,
Где ждал народ решающего слова.

8.

Так длился это день и этот суд.
Потом его в соседний дом сведут,
Подведомственно дело, мол, Антипе,
Но узника вернут на белом джипе.

Опять сведут Пилата и – того,
Кто должен быть казнен скорей всего.
Кровь из носу – а к Пасхе агнец нужен.
Их диалог до узкой сферы сужен.

Об истине они заговорят.
И никакой бы праздничный обряд
Пилата не отвлек бы от такого.
Но ждал народ. И он к ним вышел снова.

Закон, что дышло. Дышло смотрит вверх,
На кесаря. Польются анонимки.
– А может, мы сошлем его на верфь?
К покойному Назону на заимки?

Ведь вы его носили на руках,
Теперь казнить хотите впопыхах,
(Убойся царь народного признанья!),
Варавва больше стоит наказанья.

– Какой Варавва! Матершинник, шут.
Пускай себе ворует, лясы точит.
Опасней тот, кого пускай распнут,
За то, что он служить властям не хочет.

И вот уже работу провели
И крест перетасили издали,
Нас больше не обдуришь, не надейся.
– Распни! – кричат и все тут, хоть убейся.

Пилату – мейл на почту – от жены:
«Да, будет этот праведник в зените!
Спаси его!» – Но в третий раз: «Распни!»
Кричит толпа, и шепчет он:
– Распните! –

Фонтан и чаша.

– Кем я с вами стал!

Замаран или нет? Умою руки.

Вот здесь и здесь вобьют ему металл,

И, кажется, уже я слышу стуки...

Пока туда-сюда и что к чему,

Прошли века по этому всему,

Сменилось все земное руководство.

Одно – как было: судопроизводство.

Говорить, говорить, говорить...—
Словно просишь воды, умирая.
Дорогими словами сорить,
Медаки со стола подбирая.

Не препятствуя календарю,
Я копила слова не напрасно.
Говорю, говорю, говорю,
Потому что мне многое ясно.

И неясного много, мой свет.
Дай ответы и ты мне под утро.
Нет прекраснее наших бесед,
Утоляющих жажду как будто.

Ветер-ночь залетает в правильное окно
И надувает комнату, словно воздушный шар.
Улетаю за грань возможного, и оно
Отступается от меня, хоть по небу рукою шарь,

Не нашаришь прошлого. Паутины на небе нет.
Превращается в музыку каменная броня.
Знаю, знаю – пройдет и это, когда ты свет
Урезонишь внутри меня.

И никто не заметит, как я лечу впотьмах,
По небесным волнам: свет в окне не зажжен.
Несмотря на гравитацию и размах
Так не видят черные звезды или походных жен.

Залетает ветер и надувает шелк,
Унося меня из горестного жилья.
Я такой свободы не видывала еще,
Да и в бездну такую еще не летала я.

Не суди. Не суди. Не суди.
Упоенно займись оправданьем
Персональной прорехи в груди,
Одаряющей смрадным дыханьем.

Ну, какой из тебя судия!
Что ты знаешь о праве и долге?
Учтена ли тобою статья,
Запрещающая кривотолки?

Что ты видишь – соринку в чужом...
Искажает пространство природа.
Не прорезать пространство ножом,
И не счистить с небесного свода.

Все твои обвиненья пусты,
Чистоты и отмщенья радетель,
Потому что свидетель – не ты,
А другой в этом деле – свидетель.

У него в роговицах любовь,
И хорошее место обзора.
Не суди, не ряди, не готовь
Даже вводную часть приговора.

Кто судим – не тебе выбирать,
И за что – не твоя головная...
Фу-ты ну-ты, судейская рать,
Фарисейская рать вороная.

Провинция – иное измеренье.
Переходи в него по пустоте
Полей и рощ. Да будет озаренье
Твоей душе, привыкшей к мерзлоте,
А после – адаптируется зренье
В потусторонней – здешней – темноте.

В самой себе поэта от поэта
Зачавшая – там женщина живет.
Там две реки подобием валета
С игровой карты, там круговорот
Забот земных, обшарпанная эта
Глубинка – глубь земная, переход

К молчанию, оратор плодовитый.
Смотри через оконное стекло:
Вот океан пустынный ледовитый,
Его ночным туманом занесло,
Три дома, в полутьме фонарь разбитый,
И женщина идет через село.

И женщина, живущая в забвенье,
Растоптанная некогда тобой.
Но – помнишь? – здесь иное измеренье.
Пойдешь налево – мертвенный прибой,
Пойдешь направо – сколько хватит зренья –
Вода, как жизнь чужая под стопой.

Ели рис с изюмом, не насытились –
Не для сыта, судя по всему.
Здравствуй, смерть. Давно с тобой не виделись.
Но теперь понятно, почему.

На чужом дворе ты нынче маешься,
И решаешь – дальше кто за кем.
Ты, совсем, похоже, не меняешься.
Что ж ты не меняешься совсем?

Те же свечки, лица, те же батюшки –
Долгие, на совесть, не унять.
И под поминальные оладушки
Те же речи. Мне ли их не знать.

Наизусть порядок действия выучен.
Мышца тренирована в груди.
Ну, а если тромб какой не вылечен –
И ко мне по-свойски заходи.

Как жену чужую при товарище,
Честно по товарищу скорбя,
В церкви ли тебя или на кладбище –
Каждый примеряет на себя.

Потому что, в общем, ты не страшная,
И простая, если ближе знать.
Но тому, кто – жизнь моя воспрывшая,
О себе не смей напоминать.

Не играй с ним в долгие гляделочки.
Сроки не указывай ему.
Я все знаю. Мы с тобой не девочки.
Обе понимаем, что к чему.

Тополиная тоска

Баба Валя стоит на кухне.
Моев посуду.
Не дает смотреть тополиный пух мне,
Парит повсюду.

Это он лезет в глаза
И пространство застит.
Баба Валя, моя слеза –
Тополиной масти.

Баба Валя, моя слеза
Может ввысь подняться!
Но никак, но никак нельзя
Проморгаться.

А ладошка у вас какая –
С листок березки,
Что в окне, как ледышка Кая,
Без единой слезки.

Что, ровесница,
Не дрожишь еще от озноба?
То ли в небо лестница,
То ли доска для гроба...

Комнатенка, подвид моллюска,
Кровать да шкафчик,
Баба Валя моя малюсенькая
Жеребенка шатче,

– Ничего не вижу, – шепнет,
Виновато глянет.
Может, и не ее уже нет,
А меня нет.

Слезы застыт мои зрачки
И утешенья просят.
А у вашей деточки
Что ни год, то проседь.

Что ни взгляд назад,
Всё оживают стены.
Тополя горят,
Ветви – те же вены.

Не пройти вслепую
Сквозь пелену такую.
Только где-то близко
Звякают кружки, миски.

И летает пух,
Словно ангелы оперенье
Поменяли. Тоска старух
– Измеренье.

Тополиное измеренье:
Пространство детства.
Время их старенья,
Одинокого их соседства.

Пух вдыхая в легкое
И глотая слезы,
Вспоминаю, как баба Валя, охая,
Крестит ствол березы,
что в окне...

Прозреванье
запоздавшее! – эхо мне
Наказанье...

1998

Дожди сошли, открылось: там – звезда.
Она была и не перебегала
В другие небеса, пока слюда
Набрякших облаков ее скрывала.

Вот видишь, все и кончилось опять.
Как грустная поездка в неизвестность.
Ну, как там в неизвестности, беззвездность,
Безвестность, бессловесность, благодать?
А было ли чего тебе терять?

Пойдем покурим в тамбуре мои.
Из одного мы вылеплены теста,
В одном котле и варимся. Смоли
Цыгарочку и Господа моли,
Чтоб оставалось все, как до отъезда.

Сходящие с ума от звуков заполярных
Ломающихся льдов или земной коры,
Любимые мои, из всех времен бездарных
Мы выбрали себе – финальные хоры.

Живущему тебе любой рассвет – последний,
Сиюминутен быт, конечен антураж:
И фото на стене, и талый снег в передней,
И племса стадный путь до театральных чаш.

Мы всё уже прошли в том трагедийном жанре:
И пляски на костях, и всемогущий рок.
Сражения рабов, свирепость горожан ли, –
По-прежнему вся суть таится между строк.

Притворство мудрецов, титанов раболепство,
Подвижные черты границ добра и зла...
Чем возраст тяжелей, тем ненавистней детство
Капризных сорванцов соседнего села.

Сиди на приставных, пуляй в поэта ядра:
Не думай ни о чем, заказанном уму.
Но вдруг на этот раз ты выйдешь из театра,
А там такой потоп, что весла ни к чему.

Финальные хоры растянуты, как жвачка,
Да и финал – не смерть, а смертная тоска,
Но досиди до звезд, вдруг разгорится драчка,
Перебивая льдов шипящие войска.

И вот они пришли к тому, кто знал,
Откуда происходит каждый сущий,
Кто видел сквозь магический кристалл,
Где трещина проклонется в несущей,
Чей опыт превращен уже в чутье,
Чтоб рассудил – где правда, где вранье.

Тем утром – перламутром потолок
Переливался, свет сиял под сводом.
Они вломились, как один поток,
Но разделились надвое с приходом.
На лагеря, на касты, на рода,
Но правда неделима, вот беда.

Арбитр, оракул, кто он там, пророк, –
Он знал: все возвращается к пещере,
Где дикари, исторгнув грязь и сок,
Опустошив все полости и щели,
Вот-вот и повернут глаза к нему.
– Чья правда? – спросят каменную тьму.

А он, другого типа гоминид,
Не азиатской сборки трансформатор,
Узнавший, как вселенная звенит,
Не реформатор, просто прокуратор,
Не знал, где правда. Ну, не знал. Не знал!
Зажглись костры, и близился финал.

Говоришь, как можно такое вслух?
Говоришь, захватило от моих откровений дух?
Говоришь, теперь не вырубешь топором?
Говоришь, не кончится это добром?

Я сама замирала, выпуская на волю слова.
Я сама от страха ни жива, ни мертва.
Я сама готовилась отвечать головой.
Но слова оставляли меня живой.

Так юродивых мѣлует и милуѣт князь.
Я зачем-то нужна этой речи, меж нами связь:
И на красном крыльце, и на охоте в степи
Держит она меня рядышком на цепи.

За ночлег бессонный, за вечный ее призор
Я служу ей верой и правдою с давних пор.
А и затылком слушая, желваками жуя,
Никогда не убьет меня милосердная речь моя.

Вновь висят семейные разборки,
Как оборки, на вечерних окнах.
Гроыхает чайник на конфорке,
Кружат тополиные волокна,

Кто-то «показать» грозитя мужу,
Кто-то мужа в пьянстве обвиняет,
Из-за прочих прокопченных кружев
Где-то слышно слово «покарает».

Ходят бабки по двору, как цапли,
Жены возвращаются с работы,
И, молочной смеси вдоволь цапнув,
Спит младенец в подступе икоты.

Греет душу давняя приятца,
Тянет посвященно улыбнуться...
Как же здесь несложно потеряться,
Как легко уйти и не вернуться.

Живой закапывали в жизнь, и мертвой доставали.
Просила я: «Остановись!» – Но медленно Земля
Крутила жернова, и ввысь меня стихи слагали
В поленницу: гори, ершись, над бездною крыля.

Вот мясо сочное в золе и жиром жалит руки.
Вот абажур горит во мгле над кройкой и шитьем.
Вот между строчек на столе произрастают звуки,
А я глуха, а я в стекле – домашинка с дитем.

Уже я трижды отреклась, и предала, и – сира.
И мне дана иная власть: заполнить погребца.
Зачем же ты зовешь опять на ублаженье мира,
Моя офсетная печать, заветная судьба!

По мне бы – сын не охладел, и дом не обезлюдел,
По мне бы – на зиму запас и тихий путь земной.
А ты пускаешь за предел, гремишь из всех орудий
И в полный рост в который раз встаешь передо мной.

Пока ты спал, пока тебе спалось,
На свете столько связей порвалось,
Отвергнуто и пало столько женщин,
И столько взято узников в полон,
И столько стран сюда со всех сторон
Шлет ненависть, что горизонт уменьшен.
А умерло такое тут число
Своею смертью, что добро и зло
Мельчают и меняются местами.
И собственный твой крестик стал тяжел,
Пока из двух ты выбираешь зол
Отечество с отцовскими крестами.
Но ты лежи-посапывай, слезать
С печи не смей, послушайся поэта.
Я прослежу, чтоб не было навета
На этот мир, и после суть сюжета
Попробую тебе пересказать.

Содержание

«Люблю тебя – слетело с губ ночных...»	4
«С тех пор, как она подумала...»	6
«Собираясь в путь, на задворки памяти, в Вифлеем...»	8
«Ну, поверим и представим: умерла»	10
«Между горбов кренясь под напевы зурн...»	12
«Ты всего два года в бесконечном пути...»	14
«Молчал, молчал, теперь же, как назло»	15
Альт	16
Симфония	18
1. Георгий Свиридов. Время вперед. Allegro	18
2. Джузеппе Верди. «Набукко», хор рабов иудеев «Va, pensiero...». Adagio	20
3. Рихард Вагнер. Полет Валькирий. Allegro	21
4. Петр Ильич Чайковский. Шестая симфония. Adagio	23
Брейгель	26
1. Избиение младенцев.....	26
2. Мой сон Брейгеля.....	27
«В том городе, где транспорт – гужевой...».....	29
«Я вышла в город, словно из тюрьмы...».....	30
Отец.....	32
Сказка о потерянном времени.....	34
«Ночь какая всюду разлилась...».....	36
«Я хочу, чтобы у меня ничего не осталось».....	37
«Приготовься. Сейчас...».....	38

«Заехали на кладбище чужое...».....	39
Немая	40
«Все пройдет: и война, и агония...»	41
«Из студии, что так черна...».....	42
«Она его на фронт не провожала...».....	44
«Живые – живите. А мертвым пора умирать».....	46
«Я люблю тебя, как в кино...».....	47
«Звездами окна исколоты...».....	48
«Закончилась тяжелая неделя...»	49
«На всякий случай, а точнее – навек...».....	50
«Мы жили по соседству. Было тяжело».....	51
«Ну, хорошо, допустим, я вставлю зубы и почию шасси».....	52
«Множились хлопоты сестрины».....	54
«Говорила женщина – свет не мил».....	56
«Проходом зала в ряд передний...».....	57
«Ах, далеко мне до всезнайки...».....	58
Цветаевой.....	60
Таруса. Камень.....	60
Таруса. Дача.....	61
Таруса. Косточка.....	62
Таруса. Елабуга.....	63
«В начале новой эры концентрируются времена...».....	64
«Мне кажется, что ты моложе...».....	65
«Человек взирает из-за гардин...»	66
Сентябрь 1812.....	68
«Загорелась главка золотая...».....	69
«Как бы так зажечь, чтобы парк вокруг...».....	70

«Ничего-ничего, поживи бессловесной тварью...».....	71
«Началось с того, что всякий пошел судить».....	72
«Человек идет на фронт воевать».....	73
Рождественское. 2016.....	74
«Я вспомнила, как я молилась...».....	76
«Проживу монашкой, умру витией...».....	77
И вечер длится.....	78
«Смерть вчера гуляла ночью...».....	81
Ватикан.....	82
Madonna Solly.....	83
Ирод	84
Храм.....	86
«Я – маленькая. Я не понимаю...».....	88
Кино	90
«Зима, Мария, пустота».....	92
«На площадке на обзорной...».....	93
«Не помню пин-кодов, не завожу паролей по тем же причинам...»..	94
«Как красиво, Господи! Умеешь...».....	95
«Мне было восемь. Я была Лолита».....	96
Новая школа	98
«Если хочешь счастья – вот оно...».....	106
«Просни меня, мне надо записать...».....	107
«– Что дать тебе? Что дать могу? Что дать?».....	108
«Когда мой сын готовился прийти...».....	110
«Рывками. Выше. Ниже. Выше».....	112
«– А вас закрыли! – мне кричит, бывало...».....	113
«По реке густой и черной, как суп щавелевый...».....	114

«Когда во мне все страсти улеглись...».....	115
«В доме Туполевого завода...».....	116
Игольное ушко.....	118
«Когда мы переехали в эту дыру...».....	122
«Я тяжелую книгу читала с последнего места...».....	124
«Приехала домой в своем авто...».....	125
«В праздники, выходные, и в рабочих полуднях...».....	126
«Ангел мой, представь попробуй...».....	127
«Мне шептала река: стой, где стоишь: на дне, на дне...».....	128
«Никто не виноват».....	129
Суд.....	130
«Говорить, говорить, говорить...-...».....	142
«Ветер-ночь залетает в правильное окно...».....	143
«Не суди. Не суди. Не суди».....	144
«Провинция – иное измеренье...».....	145
«Ели рис с изюмом, не насытились -...».....	146
Тополиная тоска.....	148
«Дожди сошли, открылось: там – звезда».....	151
«Сходящие с ума от звуков заполярных...»	152
«И вот они пришли к тому, кто знал...».....	153
«Говоришь, как можно такое вслух?».....	154
«Вновь висят семейные разборки...».....	155
«Живой закапывали в жизнь, и мертвой доставали».....	156
«Пока ты спал, пока тебе спалось...».....	157

Литературно-художественное издание

ВАТУТИНА МАРИЯ ОЛЕГОВНА
ПОКА ТЫ СПАЛ...

Дизайн обложки
Марина Николенко

Верстка
Ирина Рябчикова

Подготовка оригинал-макета —
издательство «Арт Хаус медиа»

ISBN 978-5-9908945-1-8

Подписано в печать 01.03.2018
Формат 60x70/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Печ.л. 7,995
Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Арт Хаус медиа», 125047, Москва,
3-я Тверская-Ямская ул., д. 21/23, кв. 26

Отпечатано в ФГУП Издательство

«Известия» УД ПРФ

127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6

Книги издательства «Арт Хаус медиа»
вы можете заказать на сайте
<http://www.ahm.ru>,

по электронному адресу
volodarovna@yahoo,

по телефонам:
+7 (965) 318 47 32, +7 (495) 363 45 91

Купить книги издательства можно в магазинах Москвы.

